ГК160
П875

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Р. С. Ф. С. Р. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

ГК 160
П 875

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1921.

К

ГК160
П875

8928

4906 с.1

(586
28)

1062370

Гиз. 2547 (Р. В. Ц. Москва). Тир. 25.000 экз.

Тип. „Искусство и Труд“ 31-ая МСНХ (б. Губернская), Никольская, 1—3.

Материальный бюджет Советского государства.

Наша новая финансовая политика находится в теснейшей зависимости от экономического положения страны и представляет собой лишь часть нашей новой экономической политики. Поэтому прежде чем перейти к изложению тех мероприятий, которые теперь проводятся в жизнь или намечаются к проведению, необходимо сказать несколько слов о том экономическом фундаменте, на основе которого приходится проводить намеченные мероприятия.

Ежегодный национальный доход земледелия и промышленности России до войны равнялся приблизительно от 11 до 13 миллиардов золотых рублей по довоенным ценам, причем промышленность давала несколько меньше, земледелие несколько больше половины этой суммы. В годы революции наш весь национальный доход по весьма неточным и весьма приблизительным вычислениям равнялся сумме, близкой к 4½—5 миллиардам золотых рублей по довоенным ценам. Из этой суммы более 4 миллиардов приходится на сельское хозяйство и кустарную промышленность, около 1 миллиарда на продукцию крупной национализированной промышленности и транспорта *). Уже из этих цифр видно, на каком скромном экономическом базисе приходилось держаться про-

*) Валовой доход несколько больше миллиарда, а чистый значительно меньше.

летарской диктатуре на протяжении четырех лет ее существования. А если мы вспомним, что 3 года из этих четырех Советской власти пришлось нести огромные военные расходы, то станет вполне очевидным, что Советская власть ни в каком случае не могла бы просуществовать лишь на основе продукции своей крупной промышленности. Ей приходилось все время и приходится теперь черпать добавочные рессурсы из других источников. Этими добавочными рессурсами являются: 1) расходование старых запасов, полученных от старого режима, 2) натуральные налоги на мелкое производство, 3) заграничные закупки на золото, 4) выпуск бумажных денег. Если **условно** считать, что продукция социалистической промышленности, использование старых запасов и натуральные налоги представляют из себя нормальные доходы Советской власти, то трата золотого запаса и выпуск бумажек можно рассматривать, как источник покрытия дефицита в натуральном бюджете. Так как торговля с заграницей началась сравнительно недавно, то основным источником покрытия дефицита являлся выпуск бумажных денег. Посмотрим, каков был размер этого источника дохода до 1921 г. и в каком отношении доход от выпуска бумажек, т.-е. от эмисии, находился с доходом о разверстке.

Развертка и эмиссия.

Огромное большинство товарищей не представляет себе ясно, какое место занимает наш бумажно-денежный бюджет в материальном бюджете Республики, и какое реальное значение имеет наша эмиссия (выпуск бумажек) в общей системе социалистического строительства.

Чтобы рассеять отчасти тот туман, который облекает нашу финансовую политику, и свести все процессы распределения, прикрытые бумажно-денежной пеленой, к их реальному базису, т.-е. представить их, как передвижку определенных количеств натуральных ценностей, я приведу соответствующие цифры, к которым я пришел на основании довольно точных вычислений. При этом считаю не требующим доказательств положение, что выпуск бумажек есть особый вид налога, накладываемого на общество прибегающим к эмиссии государством (более подробно это доказано в моей брошюре о бумажных деньгах).

Что же дал нам по годам, начиная с 1918 г., выпуск бумажек в смысле извлечения из обращения реальных ценностей?

Используя цифры о росте цен и падении курса рубля, приведенные С. А. Фалькнером в его докладе «Об обесценении русской бумажно-денежной валюты», используя цифры Наркомфина о выпуске бумажек по годам и частям года и, наконец, подсчитав покупательную способность бумажек, выпущенных в обращении в столицах по столичным ценам, а в провинции по провинциальным, я получил такой результат.

Эмиссии дали государству по довоенным ценам на золото при соответствующих выпусках бумажек, в миллионах:

	1918	1919	1920
В золотых рублях . .	523	390	200
Выпущено бумажек . .	33.952	163.751	955.223

Из этой таблицы видно, что реальный, в продуктах выраженный результат эмиссии падает с каждым годом, несмотря на стремительный рост выпускаемой бумажной массы. Какое же место занимает этот вид налога наряду с другими налогами на мелкое, прежде всего, крестьянское производство?

Для этого надо подсчитать по довоенным ценам в золотой валюте стоимость продуктов, получавшихся государством за эти три года от разверстки и сравнить их по годам с золотым эквивалентом эмиссии. Вот эта таблица:

	1918—19 г.	1919—20 г.	1920—21 г.	Предпол. по натуралогу в 1921—22 г.
По разверстке в милл. золот. руб. . .	127	253	480	244
Путем эмиссии в милл. золот. руб. .	523	390	186	—
Всего	650	643	668	244

В этой весьма поучительной таблице есть один существенный пробел: нет цифр о количестве товаров, полученных деревней от государства по твердым ценам. Только сделав из сумм соответствующее вычитание, мы имели бы картину того, что Советская власть берет без возмещения с мелкого производства. Во всяком случае сумма полученных деревней ценностей в 1918 г. не меньше чем на 100 милл. на золото, за следующие же два года эта сумма была значительно меньше.

Из таблицы можно сделать много всяких выводов. Мы ограничимся основными.

Бюджет царского правительства перед войной поднялся до 3 миллиардов на золото. Большую часть этих 3 миллиар-

дов платило крестьянство, на котором, кроме того, лежали еще земские налоги и аренда за помещичьи земли.

Таким образом, самодержавно-дворянский режим брал у крестьянства в период полного развития промышленности в мирное время налогов в четыре раза больше, чем брала Советская власть во время войны и в период полного развала в промышленности. От одной винной монополии в 1910 г. правительство царя получило чистого дохода (т.-е. как косвенный налог на потребителей) 578 миллионов. Так как $^5/_6$ всего вина выпивала деревня, то выходит, что деревня пропивала на полмиллиарда своих доходов, т.-е. столько, сколько всего в виде всяких налогов берет с деревни Советская власть. Крестьянство платит, таким образом, Советской власти приблизительно столько, сколько пропивало при царизме, а все, что бралось с него царизмом сверх дохода от винной монополии, все это остается теперь в его полном распоряжении.

Второй вывод. Реальный доход от эмиссии падал все время строго закономерно; он падал в той же пропорции, в какой рос доход от разверстки. Поэтому я был совершенно прав, утверждая в своей брошюре, что если бы мы пошли в следующие год—два тем же темпом в смысле нарастания дохода от разверстки за счет дохода от эмиссии, то мы могли бы натурализовать в основном заработную плату и приостановить выпуск бумажек через год—два.

Третий вывод. Сумма доходов от разверстки и эмиссии представляют до поразительности устойчивую величину. Из этих данных мы должны заключить, что разверстка и эмиссия, как два вида налога, взаимно дополняют друг друга,— что не взято разверсткой, бралось выпуском бумажек.

Но из этих же цифр ясно и то, что, поскольку излишки представляют определенную величину, эмиссией нельзя по произволу брать больше или меньше. Эмиссией можно подобрать остатки после разверстки или теперь после продналога и товарообмена, но сверх этого никакая эмиссия ничего не даст, кроме сверх обычного падения курса рубля.

Четвертый вывод. Приняв во внимание вероятный недобор по налогу и допустив, что в лучшем случае вслед-

ствие недобора, налог сведется к сумме 250 милл., станет совершенно очевидным, как много нужно еще добрать государству другими путями до полной суммы необходимого ему фонда продовольственных продуктов. Если такой фонд нужен в 600—650 милл. золотых руб., то нехватку в 300—350 *) милл. придется взять товарообменом с одной стороны, эмиссией—с другой.

Пятый вывод есть ответ на часто задаваемый теперь вопрос, можем ли мы теперь, и когда вообще мы можем прекратить эмиссию? Очевидно, что эмиссию мы можем прекратить лишь тогда, когда все, что должны получить сверх натурналога, сможем взять путем товарообмена. Что в 1921 году нам не взять натурналогом и товарообменом всего необходимого, совершенно очевидно. Остаток придется взять все той же эмиссией.

*) Эту сумму правильней взять меньше, потому, что на бумажки покупаются не только продукты продовольствия, но и продукты кустарной промышленности.

Продналог и эмиссия.

Из приведенных выше цифр видно, какую огромную роль играл выпуск бумажных денег для покрытия дефицита в нашем бюджете. По мере роста патуральных налогов эта роль, правда, уменьшилась, и в 1920 г. эмиссия дала лишь 38% ст. покупательной способности эмиссии 1918 г. Но с отменой разверстки, с введением продналога, с разрешением свободной торговли, одним словом, с момента осуществления новой экономической политики, роль эмиссии должна снова возрасти и, что для нас особенно важно, **объективно может возрасти.** Роль эмиссии в системе нашего бюджета **должна** возрасти, вследствие уменьшения доходов о натурналоге в сравнении с разверсткой. Она может возрасти по следующим причинам.

Уже первые шаги новой экономической политики привели к весьма заметному оживлению в области мелкой промышленности. Увеличивается продукция ремесла и кустарной промышленности, растет количество пускаемых в ход средних предприятий, работающих на вольный рынок. Будут ли то предприятия, сдаваемые в аренду, или пускаемые в ход государственными органами. Наконец, увеличился и будет увеличиваться выход на вольный рынок части крупных предприятий, продающих часть продуктов на деньги. С другой стороны, крестьянское хозяйство, сдвинувшись с мертвой точки в большинстве губерний в России и увеличивающее свою продукцию в состоя-

ний выбрасывать на вольный рынок больше продуктов, чем это было в предыдущие годы. Особенно в 1920 г. с его максимальной цифрой разверстки и неурожая. Все это неизбежно приводит к расширению емкости рынка и к увеличению того количества денежной массы, которое требуется для обслуживания товарооборота в стране. Кроме того, оживление в промышленности, земледельческом производстве и торговле требует большого количества оборотных денежных средств. Эти требования на оборотный денежный капитал, правда, далеко превосходят наличные рессурсы свободного товарного капитала, что должно очень скоро обнаружиться в соответствующем повышении цен на него. Но пока оба эти фактора, начиная с марта месяца 1921 г., т.-е. с момента поворота на новую экономическую политику, действуют с такой силой, что, несмотря на продожающуюся эмиссию, привели к известной устойчивости курс нашего рубля, который к осени пал весьма незначительно в сравнении с весной этого года.

Этот перелом в финансовой конъюнктуре можно видеть из поразительных цифр роста покупательной способности эмиссии за первые 9 месяцев 1921 г. За первые 6 месяцев 1921 г. вся наша эмиссия дала около 30 милл. на золото или в среднем по 5 милл. в месяц. Эта сумма спускалась в марте и апреле до 4½ милл.. Это объясняется тем, что, вследствие технических затруднений, выпуск бумажек держался несколько месяцев на одном уровне, а выгодная финансовая конъюнктура не могла быть использована. С момента увеличения выпуска бумажек при устойчивости курса рубля, это привело к росту покупательной способности эмиссии из месяца в месяц. В результате за июль, август и сентябрь наша эмиссия дает уже более 40 миллионов на золото. В октябре мы не только приближаемся к средней 1920 г., но и значительно обгоняем ее. Несмотря на резкое увеличение количества выпускаемых бумажек, осенью цены увеличились в сравнении с апрелем сравнительно весьма немного, увеличились всего на 60%, т.-е. мы имеем процент увеличения небывалый по своей незначительности за все предыдущие

годы *). Если устойчивость цен весной и летом объяснилась, кроме тех причин, о которых говорилось выше, также и сравнительно скромными выпусками бумажек, поскольку выпуск не увеличивался, а держался по месячно на одном уровне, то огромное увеличение эмиссии осенью не могло резко сбросить курса рубля вниз кроме общих причин, также и благодаря тому, что осенью, в связи с реализацией урожая, происходит чисто сезонное увеличение емкости рынка. На рынок проникают продукты основной отрасли производства—сельского хозяйства. Ниже мы будем говорить, какие перспективы в отношении эмиссии можно считать вероятными на 1922 г. Пока же мы считаем доказанным тот факт, что значение эмиссии неуклонно падавшее до марта---апреля 1921 г., с этого момента возрастает, и в первые месяцы мы лишь технически не были готовы использовать эту конъюнктуру. Мы можем утверждать также на основании приведенных цифр, что общий экономический и политический кризис, который характеризовался конец 1920 г. и начало 1921 г., т.-е. период последних месяцев старой политики, этот кризис сопровождался также глубоким финансовым кризисом, кризисом нашей эмиссии. Если первые месяцы 1921 г. мы получали от эмиссии по 4½—5 милл. на золото, это значит, что в сравнении по средней 1920 г. (16—17 милл.), покупательная способность эмиссии пала в 3—4 раза. А если вычесть издержки производства самой экспедиции заготовления государственных бумаг, то доход от эмиссии быстро приближался к нулю. Что это означало бы в дальнейшем углубление и политического и хозяйственного кризиса уже с чисто финансового фронта—очевидно само собой. Поворот к новой экономической политике таким образом не только вывел республику из политического кризиса и наметил выход из экономического, но и спас нашу эмиссию, а это значит, создал возможность выйти из финансового тупика на первое время на основе той же

*) На основании вычислений проф. Кондратьева, курс рубля был по Москве: май—33.000, июнь—50.000, июль—63.000, август—64.000, сентябрь—61.000, октябрь—85.000.

самой спасенной от смерти эмиссии. Во всяком случае, наша эмиссия вступила теперь в новую фазу. Ее судьба будет зависеть в дальнейшем в значительной степени от того, будем ли мы прибегать к ней, как к последнему средству для покрытия дефицита, всячески стараясь уменьшить ее размер, либо мы, не боясь падения курса рубля, будем стараться взять эмиссии максимум того, что можно выжить из вольного рынка, как это делалось раньше. Т.-е. вопрос стоит так: будем ли мы продолжать при новой экономической старую финансовую политику или приспособим финансовую политику к новым экономическим условиям?

ВЫГОДЫ И НЕВЫГОДЫ ЭМИССИИ ПРИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.

Выгоды эмиссии заключаются в сравнительной дешевизне этого сорта налога, в том, что он взыскивается без соответствующего аппарата, и к нему можно прибегать в период отсутствия всяких налоговых аппаратов, и при нежелании населения платить какие бы то ни было налоги. Выгоды заключаются для пролетарского государства в том, что этим путем можно провести дополнительное обложение мелкого производства. Выгоды заключаются, наконец, в очень большой эластичности этого налога. Этот налог при соответствующей организации техники, и когда не приходится считаться с падением курса рубля, может быть или увеличен, или уменьшен в зависимости от состояния общего бюджета. Эта выгода при новой экономической политике уже сказалась в том, что мы в период перехода от разверстки к продналогу, т.-е. при сокращении суммы натуральных налогов, при огромной потребности в оборотных средствах и средствах для увеличения фонда заработной платы в состоянии были увеличить доходы из этого источника почти в 4—5 раз в сравнении с критическими первыми месяцами 1921 г. Трудно даже представить себе, как тяжело было бы наше положение теперь, если бы мы не могли увеличить свой доходный бюджет от эмиссии. Теперь, когда расширение продукции крупной промышленности в массовом масштабе еще не на-

ступило, подналог дает вдвое меньше разверстки, а надо и платить **в увеличенном размере** заработную плату, чтобы получить увеличение продукции крупной промышленности. Наша эмиссия в начале проведения новой политики, ее увеличения и увеличения реальных рессурсов, которое она дает, являются для нас чем-то вроде займа без возврата, который мы берем с мелкого производства для увеличения своего оборотного капитала как раз в наиболее решающий период первых месяцев новой экономической политики. Этот заем от мелкого производства мы должны брать, однако, с величайшей осторожностью, учитывая емкость рынка и не доводя дело до катастрофического падения курса рубля.

Невыгоды эмиссии при новой экономической политике (как и при всякой впрочем) заключаются в срыве курса рубля. Между тем, устойчивый курс нам необходим, как для нормального развития мелкого товарного производства, требующего устойчивой единицы для процесса обмена, так и для всех наших хозяйственных расчетов в крупной государственной промышленности. Невыгода заключается далее в том, что при эмиссии государство и его органы имеют огромное искушение итти по линии наименьшего сопротивления и вместо жесткой политики сокращения расходов и трудной работы по увеличению реальных доходов от расширения и удешевления производства сбивается на скользкий путь увеличение доходов от продукции печатного станка. Этим путем достигается не увеличение материальных рессурсов страны в целом, а лишь иное перераспределение уже имеющихся ценностей. Стимулов к покрытию дефицита производственным путем меньше.

Третья невыгода заключается в том, что при частичной натурализации заработной платы рабочему и служащему приходится покупать на рынке продукты на денежную часть заработной платы и, при падении курса, он превращается отчасти из сборщика налога на мелкое производство в его плательщика. Рабочий, получающий по тарифу в месяц определенную сумму, допустим сумму бумажек, на которую можно купить пуда муки, при падении курса

рубля и росте цен в следующем месяце, в состоянии, допустим, купить 2 п. вместо 3 п. Если он работал этот последний месяц с тем же напряжением, но получил 2 пуда вместо трех, он фактически заплатил одну треть своей заработной платы по тому налогу, который получается государством от эмиссии. Освободиться от этого недостатка эмиссии в условиях, когда сокращение потребления рабочего класса вообще неизбежно, нельзя. Можно лишь тогда это сокращение регулировать, не допуская хаоса в тарифной политике. В обстановке же увеличения общей продукции в стране и в то же время при падающем курсе рубля есть два способа ликвидировать этот недостаток: 1) провести систему плановой эмиссии и твердого фонда заработной платы, о чем ниже; 2) на выпускаемые бумажки делать государственные заготовки через госорганы или кооперацию, выплачивая рабочим заработную плату только натурой. Если рабочий не будет получать ни рубля деньгами, то при эмиссии и падении курса рубля он не будет ничего платить из своего денежного заработка по рассматриваемому виду налога.

Таким образом, мы приходим к выводу, что нам необходимо в одно и то же время и эмиссия и твердый курс рубля деньгами, то при эмиссии и падении курса рубля он (я говорю почти, потому что умеренная эмиссия при быстром увеличении производства и емкости рынка, пропорциональная этому увеличению, может и не колебать курса). Поэтому нам нужно сформулировать задачу иначе и более конкретно. Как не прекращая эмиссии, достигнуть возможно более медленного темпа падения курса рубля, имея в перспективе устойчивый курс?

Курс рубля и эмиссия.

Прежде чем наметить в общих чертах ряд мер, которые должны способствовать улучшению курса нашего рубля, сделаем маленькое отступление теоретического характера. Может быть три основных ситуации при эмиссии (вариантов же больше). Эмиссия происходит при расстройстве производства уменьшении товарооборота, при сокращении емкости рынка. Так как при таких условиях то количество денежных знаков, которое необходимо для обслуживания самого обращения, сокращается, то курс рубля должен падать по двум причинам, действующим одновременно. Поясним это числовым примером. Допустим, в России в 1918 г. количество товаров, обращающихся на рынке, равно по ценности миллиарду рублей на золото. Для обслуживания обращения этой массы достаточно денежных знаков стоимостью в 100 милл. на золото. Если, допустим, денежных знаков выпущено в 5 раз больше этой суммы, а общая сумма товарных ценностей сократилась за год в два раза, то в 1919 году курс рубля, **при прочих равных условиях,** должен пасть приблизительно в десять раз. Возьмем другой пример. Ценность товарной массы в обращении равна 1 миллиарду, бумаг выпущено в пять раз больше того, что требуется обращением. Тогда курс рубля падет, при прочих равных условиях, приблизительно в пять раз. Возьмем, наконец, третий пример. Количество товарных ценностей в обращении увеличилось в 2 раза и равно 2 миллиардам, количество же бумажных денег выпущено в шесть раз больше, чем требует обращение прежних 1 миллиарда товарных

ценностей. Тогда мы будем иметь один фактор, который автоматически повышает курс рубля в два раза, поскольку при прочих равных условиях для оборота на рынке 2 миллиардов требуется средств обращения в 2 раза больше, чем для товарооборота на 1 миллиард золотых рублей. Другой фактор играет на понижение курса в шесть раз. В результате взаимодействия этих двух факторов, действующих в противоположных направлениях, курс рубля падет приблизительно в три раза. Если бы бумажек было выпущено при таких условиях только в два раза больше, чем требует обращение 1 миллиарда товарных ценностей, то курс рубля остался бы неизменным, а при выпуске в 1½ раз больше, курс рубля должен был бы повыситься, несмотря на умеренную эмиссию. При всех этих вычислениях должно быть разумеется подсчитано, сколько реальных ценностей берется с товарного рынка самой эмиссией.

Если мы возьмем нашу реальную финансово-экономическую ситуацию за годы революции, то она характеризовалась в общем и целом сокращением товарного фонда вольного рынка при все растущей эмиссии. Это сокращение происходило как вследствие упадка продукции сельского хозяйства и промышленности, так и вследствие уменьшения товарного фонда вследствие вычетов из него путем развертки и эмиссии и вследствие запрещения вольной торговли. Фактором, увеличивающим вольный рынок, являлось расширение территории в гражданской войне и присоединение к товарному фонду Великороссии товарного фонда освобождаемых от белогвардейцев окраин *).

*) Другими факторами, которые влияют на курс рубля, кроме описанных, являются: накопление денег, держащее часть их в связанном состоянии и поднимающее этим курс сокращение или уничтожение бездоходных счетов, ведущее к ослаблению падения курса, быстрота оборота денег, характерная для спекулятивной торговли, увеличивающая падение, медленный оборот товаров, связный с меньшей потребностью в деньгах, значит действующий на понижение. Так как эта брошюра не есть теоретическое исследование, я не останавливаюсь на этих факторах.

В 1921 году наступает перелом. С момента осуществления новой экономической политики, с момента разрешения вольной торговли и оживления мелкого производства товарный фонд рынка значительно увеличивается и объективным проявлением этого процесса служит тот факт, что летом 1921 г. курс нашего рубля, несмотря на продолжающуюся эмиссию, правда замедленную в первые месяцы, не только не продолжал стремительно падать, как в 1920 г. и раньше, а приобрел известную устойчивость с небольшим сравнительно уклоном к понижению, понижению гораздо меньшему, чем испытала за это время германская и особенно польская марка. Таким образом до весны 1921 г. наша эмиссия производилась в обстановке, очерченной в вышеприведенном нами примере. Наоборот, теперь мы проводим нашу эмиссию в обстановке, обрисованной в третьем нашем примере.

Какие же меры мы должны и можем провести к задержке падения курса рубля, продолжая неизбежную для нас пока работу печатного станка? Эти меры я формулирую в тезисах, которые в дальнейшем будут мотивированы более подробно.

1062370

Общие задачи нашей финансовой политики.

1. Важнейшей задачей финансовой политики в настоящее время должно быть, с одной стороны, постепенное установление твердой валюты, абсолютно необходимой как для нужд товарооборота в мелком хозяйстве, так и для учета хозяйственных результатов в крупной социалистической промышленности, с другой стороны—учет всего нашего материального бюджета в целом в золотом исчислении по ценам мирового рынка.

2. Важнейшим препятствием к осуществлению этой задачи является наша бесплановая эмиссия. Но так как мы не можем сразу прекратить эмиссию за отсутствием других средств покрытия дефицита в бюджете, а временно должны даже ее расширить для покрытия задолженности ведомствам и для создания оборотных средств Госбанка, то осуществление этой задачи должно быть растянуто на известный срок. Отсюда необходимость постепенного ежегодного сокращения эмиссии, сокращения, опирающегося экономически на успехи в области производства, каковые успехи должны сделать возможными, на-ряду с некоторыми другими мерами, постепенную замену дохода от эмиссии доходами из иных источников.

3. Ни о каком сокращении эмиссии и ни о каком осуществлении определенного такого перехода на твердую валюту не может быть и речи, пока государству неизвестен самый размер предстоящей эмиссии на ближайший операционный год или полгода, пока продолжается система безграничного рвачества денежных знаков со стороны всех ве-

домств. Вместе с тем, при такой системе невозможно никакое плановое хозяйство в какой бы то ни было области вообще. В настоящий момент с полной очевидностью выясняется, что хаотическое эмиссионное хозяйство сделалось важнейшим тормозом к наиболее успешному проведению новой экономической политики как раз в области социализированной части производства.

4. В настоящих условиях наиболее, чем когда-либо, нужен переход к системе твердого бюджета в своеобразной форме, которая возможна при продолжающейся, из планомерно сокращаемой эмиссии. Эта система должна заключаться в следующем. На 1922 год, на основании учета материального результата эмиссии 1920 и 1921 годов и емкости рынка, определяется стоимость в золотых рублях по довоенным ценам того количества ценностей, которое может быть изъято из обращения путем выпуска бумажек (приблизительно намечается 250—270 миллионов на золото по довоенным ценам). Эта сумма распределяется между комиссариатами, за вычетом той части, которая бронируется за Совнаркомом на чрезвычайные ассигновки. Наркомфину поручается ежемесячно реализовать эту сумму путем выпуска и распределения между ведомствами такого количества бумажек, которое требуется по состоянию цен на вольном рынке. Ни одно ведомство, и сам Совнарком, не должны получать за год ни одного рубля сверх установленной в золотом исчислении суммы бумажек. При определении материальных размеров эмиссии на 1922 год учитывается необходимость уже в этом году понизить размер эмиссии (в золотом исчислении) в сравнении с средней 1920—1921 годов.

5. Осуществление этой меры не только позволит приступить к осуществлению плана ликвидации эмиссии, но неизбежно повлечет за собой сокращение не безусловно необходимых расходов ведомств, а, быть-может, и некоторых ведомств, побудит к большей, чем теперь, общей экономии в расходах, а с другой стороны вызовет здоровое стремление искать возможностей покрытия расходов в расширении производства, а не расширении эмиссии, как теперь.

6. Сокращение эмиссии возможно достигнуть не только путем покрытия части доставляемого ею дохода из увеличившейся продукции национализированных предприятий, не только далее путем сокращения расходов на государственный аппарат, но и путем денежных налогов. Необходимо со всей твердостью продолжать введение ряда новых денежных налогов, не смущаясь первыми неудачами и сопротивлением населения, при непременном условии возвращения рабочим той части налога, которая перекладывается плательщиками на заработную плату. При введении каждого нового налога должен всегда учитываться возможный размер предлагаемой на заработную плату части налога и одновременно погашаться путем соответствующего повышения основной тарифной ставки или иными способами.

7. Так как денежная часть нашего бюджета составляет лишь часть общего бюджета Советского государства, и без выяснения другой части бюджета, т.-е. натуральных доходов и натуральных расходов, невозможно иметь полную картину того, что мы получаем и что мы расходуем, ближайшей задачей нашей должно являться выяснение на предстоящий год не только возможного и нужного размера эмиссии в золотом исчислении, но и выяснение всех натуральных доходов. Эти доходы складываются из сумм ценностей, производимых в социализированных предприятиях, плюс натуралог.

Приходная смета нашего государства на 1922 год должна исчисляться, таким образом, на основании учета: 1) натурального налога, за вычетом того, что будет израсходовано до нового года; 2) на основании стоимости всех продуктов социалистической промышленности, исходя из реальных производственных программ всех главков и трестов (считая все в золотых рублях, по ценам мирового рынка); 3) на основании всех поступлений от всех налогов и монополий, доходов со сданных в аренду предприятий и торговой прибыли государства от продажи населению купленных за границей товаров; 4) на основании, наконец, эмиссии. Все вычисления должны производиться в золоте, по ценам мирового рынка, и, когда нужно, переводиться на

курс советского рубля. При всех трудностях и неточностях такого вычисления первого материального бюджета первого социалистического государства в мире, это вычисление все же может внести ясность и продуманный план в систему наших расходов и во все наши материально-хозяйственные расчеты вообще.

8. Так как натурналог играет огромную роль во всем материальном бюджете республики и от размеров ожидаемых поступлений по нему зависит план развертывания промышленности на операционный год, реальная осуществимость производственных программ и план расходного бюджета, и, с другой стороны, учет поступлений по продналогу может быть на целый год лишь по выяснении результатов урожая.—составление всех производственных планов и всего бюджета должно быть перенесено с 1-го января на осень каждого года.

Большинство проектов, исходящих из кругов буржуазных финансистов, при всем разнообразии вариантов и аргументаций, предлагает девальвацию. Кое - кто предлагал девальвацию металлических денег без аннулирования теперешних бумажных знаков. Девальвация означает следующее: государство высчитывает, сколько стоит на золото вся наша теперешняя валюта, все наши находящиеся в обращении миллиарды, если б их скупить по средней рыночной цене. На соответствующую сумму государство выпускает новых полноценных рублей, допустим 100 миллионов новых рублей, обеспеченных полностью золотом, с правом обмена нового бумажного рубля на золотой. Населению предлагается в определенный срок сдать старые деньги за новые, допустим за 20.000 старых выдается новый рубль (соотношение устанавливается на основании рыночной цены золота в старых рублях). Все старые деньги, которые не будут обменены в определенный срок на новые, объявляются аннулированными. В результате вместо миллиардов обеспеченных бумажек на руках у населения остается лишь небольшая сумма (в нашем примере 100 милл.) полноценных рублей, или золотой монеты.

Почему теперь эта мера неприемлема? Во-первых, потому, что эта мера уже предполагает отсутствие дефицита в бюджете, тогда как мы этого счастливого момента можем достигнуть лишь в результате хозяйственных успехов. А пока дефицит у нас есть. Во-вторых, эта мера предполагает наличие у государства свободного фонда золота, достаточного для операции. Такого свободного фонда у нас нет. Наконец, третье и самое важное—эта мера не дает твердой валюты.

В самом деле. При наличии дефицита в бюджете, который должен покрываться новыми бумажными выпусками, золото уйдет из обращения и в обращении будут те же самые бумажки, падающие по-прежнему в курсе в зависимости от размеров выпуска. Золото окажется в земельных банках тех, кто больше всего теперь имеет бумажек, кто старательно, больше всего их наменял на новые бумажки и обменял сейчас же на золото (а таких дураков, которые сейчас же не переменяли бы новый бумажный рубль на золото, надо полагать, не найдется). Таким образом, вся реформа сводится к тому, что мы будем иметь вместо одной бумажной валюты с падающим курсом рубля, другую бумажную валюту, также с падающим курсом, но заплатим за удовольствие экспроприацией золотого фонда республики в пользу кулаков и спекулянтов.

Что же касается выпуска металлических денег без аннулирования старых, с тем, чтобы эти деньги ходили временно наряду с бумажками, то они нас не послушаются и ходить со старыми не будут, а потекут в те же земельные и поземельные банки. В обращении останутся бумажки. При этом бумажки не будут, правда, падать в цене, если мы их не будем «подкреплять» новыми выпусками. Но так как отказаться от выпуска—утопия при наличии дефицита, то в результате будет старая история, т.-е. мы будем иметь падающий курс. Но эта мера, если и не даст устойчивой валюты, она не имеет зато злостного характера в сравнении с предыдущей мерой. В самом деле: государство не будет давать металлические деньги даром, а будет платить ими за труд рабочих и покупать на металл товары. Эта мера имела

бы единственно смысл лишь в том случае, если бы у государства был излишек металла и ему бы было просто выгодно купить на этот металл известное количество товаров на внутреннем рынке. Но, ведь, авторы проекта хотят не этого, они хотят устойчивой валюты. А ее как раз и не будет.

Что касается проектов не утопических, но просто неприемлемых, а отчасти вредных, то к таковым относятся все предложения насчет кооперативных бон, соляных денег, квитанций с товарным обеспечением и т. д. Авторы имеют в виду создать таким путем твердую валюту на известном товарном базисе. Но, не говоря уже об узости этого базиса, они упускают из виду опять-таки самое главное и основное: упускают из виду дефицит в бюджете и необходимость продолжать еще известное время выпуск бумажек. Ведь, если этот выпуск пока необходим, то всякая иная валюта, кроме теперешней, будет подрывать последнюю, и тем лишит государство того источника дохода, который и авторы находят нужным сохранить. Если же некоторые находят, что без эмиссии можно обойтись (а никаких разумных мер для замены этого источника дохода иными доходами никто из них не представил, хотя именно такие проекты нам было бы куда любопытней читать), то, во-1-х, они ошибаются, а во-2-х, если бы они были правы, то тогда дело устойчивой валюты было бы в шляпе, и для осуществления ее был бы путь гораздо более прямой и верный. Это путь и есть прекращение выпуска бумажек. Можно утверждать с полной категоричностью, что теперь, при оживлении мелкой промышленности и увеличении товарооборота, следовательно, при увеличении общественно необходимого минимума обращающихся денег, мы при прекращении эмиссии имели бы не падение курса рубля, а его повышение. Это повышение обозначалось бы само, без проведения каких либо финансовых мероприятий. Что же касается замены устойчивой, но обесцененной валюты, валютой устойчивой, но в других номиналах (скажем, вместо 40 тыс. старых руб. 1 новый руб.), то эта операция, или что-либо аналогичное, не представляет никаких трудностей, и была бы просто эпизодом финансовой хроники, не более. Никакие боны для этого не нужны.

Плановая эмиссия и твердый бюджет.

При плановой эмиссии в течение года из обращения должно быть взято определенное количество реальных ценностей, высчитываемых на золото. Например, в 1922 г. мы ставим себе целью выбирать из обращения по 25 миллионов в месяц, или 230 миллионов до 1 октября. Эта сумма разассигновывается по комиссариатам и каждый комиссариат ведет свою работу лишь в пределах этой суммы плюс то количество пайков и иного натурального снабжения, которое ему полагается. Огромная выгода такой системы не подлежит ни малейшему сомнению. Первая выгода. Только при плановой эмиссии мы в состоянии перейти к ежегодному постепенному ее сокращению путем замены дохода от уменьшаемой части доходом от увеличения налогов, продукции социалистических предприятий, сокращением расходов. Раньше, когда границы эмиссии не были установлены, все ведомства больше заботились о том, чтобы приналечь на Наркомфин, заставить Наркомфин приналечь на экспедицию заготовления государственных бумаг и выйти из затруднений по линии наименьшего сопротивления. Неплановая эмиссия развращает, распускает, тогда как плановая эмиссия должна дисциплинировать и толкать на производственный путь с потребительского.

Вторая выгода. Теперь сметы и отпускаемые по ним кредиты не находятся ни в каком соответствии с реально

отпускаемыми денежными знаками. Денежные знаки распределяются совсем по другому принципу и в других пропорциях, чем отпущены кредиты. В результате этого работу ведомства определяет не оно само, а за него решает распределяющая инстанция, которая фактически решает судьбу работ всех государственных предприятий, не зная, что важно, что неважно, где надо дать и дать больше, где можно сократить.

Выгода третья. При плановой эмиссии и твердом бюджете ведомство будет получать ежемесячно, по четвертям года, за год определенную сумму в золотом исчислении, при чем Наркомфин должен давать такое денежное покрытие, какое требуется в зависимости от курса рубля. ВСНХ отпускается в месяц 7 милл. на золото. В январе при курсе рубля, равном 70.000 бумажных рублей на золотой, ВСНХ получит 490 миллиардов; в апреле, при курсе рубля, равном 100.000, он получит 700 миллиардов: в декабре, при курсе рубля в 200.000—1.400 миллиардов и т. д. Хотя бумажное покрытие меняется из месяца в месяц, но реальная покупательная способность отпускаемых бумажек остается без изменения, благодаря чему есть полная возможность вести плановую работу ведомства: сократиться на том, что не абсолютно необходимо, обеспечить полностью то, что действительно ударно, наконец, увеличить доходную часть бюджета при условии, что при соблюдении единства кассы это увеличение тем не менее пойдет прежде всего добивающемуся такого увеличения ведомству.

Такой метод построения относительно устойчивого бюджета при полной неустойчивости курса рубля был принят по моему предложению финансовой комиссией и утвержден Совнаркомом для 1922 года.

Налоги и оплата государственных услуг.

В предыдущий период нашей финансово-экономической политики государство стремилось взять с крестьянства все излишки производства и брало на себя обязательство снабжать его необходимыми продуктами промышленности бесплатно или по, так называемым, «твердым ценам», что тоже значило в сущности, при падении курса и ничтожности этих цен, бесплатно. Оно брало на себя также снабжение городского населения, которое, в свою очередь, подлежало всеобщей трудовой повинности. Все рессурсы должны были стекаться в один центр и распределяться по известному плану; при чем социалистические предприятия, сдававшие всю продукцию в общий котел, получали свои рессурсы от государства вне зависимости от того, работают ли они с убытком или нет. Такая система социалистического распределения материала неудачна. Разверстка заменена продналогом, оставляющим все излишки, за вычетом продналога, в распоряжении крестьянства. Обязанность выполнять трудповинность распространяется теперь на сравнительно узкий круг лиц, оставляемых за это на государственном снабжении. Отсюда вытекает необходимость в корне изменить всю систему распределения. Государство будет снабжать рабочих и служащих, записывая снабжение всякого рода в их заработную плату, не будет взимать плату, за услуги политикопросветительного и культурного характера, за все же остальное и со всех остальных граждан должно

получать плату. Только при такой системе оно будет уменьшать, а не увеличивать дефицит в своем бюджете.

Введение налогов встретило ряд возражений, которые теперь высказываются уже не с такой энергией и уверенностью, но на которые приходится все же отвечать почти на каждом рабочем собрании.

Возражения сводятся к тому, что введение налогов ничего или почти ничего не дает. Они падают на заработную плату рабочих и служащих, так как продавцы повышают соответственно цены на продаваемые продукты, сбрасывают с себя налог на рабочих, а рабочим государство должно из своего же кармана вернуть то, что они потеряли. В конечном счете ж.-д. тариф, например, платит не торговец, который привез по новому тарифу картошку и сейчас же повысил на нее цену, а тот рабочий, который эту картошку покупает по повышенной цене. Государству надо вознаградить рабочего повышением тарифа и в результате то, что выигрывается на одном полюсе (железнодорожные кассы), теряется на другом (контора предприятия, уплачивающая заработную плату).

Те, которые так возражают, не свели концы с концами. В самом деле. Допустим по Москве собирается по ж.-д. тарифу, промысловому и другим налогам 30 миллиардов в месяц. Торговцы, ремесленники и проч. увеличивают продажную цену товаров, перекладывают налог на покупателей. А кто покупатели? С одной стороны, рабочие и служащие,—с другой стороны, ремесленники, крестьяне, сами торговцы и спекулянты, остатки буржуазии, одним словом, «мелко-буржуазное окружение». Пусть на рабочих будет переложена половина, а половина падает не на рабочих, что же получается? Получается такое положение: половину, т.-е. 15 миллиардов, падающих на рабочих, Советская власть должна рабочим вернуть, другая же половина составляет нашу чистую прибыль. Пусть среди мелко-буржуазного окружения эти убытки одни группы перекладывают на другие, Советской власти до этого нет никакого дела. Ее задача состоит лишь в том, чтобы приблизительно высчитать, в каком проценте налог может лечь на рабочих и служащих,

и в соответствующем размере повысить основную тарифную ставку. Если мы вспомним, что в общей массе населения рабочие покупатели в стране составляют меньшинство, то чистая прибыль государства от налогов будет больше той суммы, которую придется вернуть рабочим.

Задача Советской власти будет состоять дальше в систематическом повышении ставок налогов, особенно налогов, на такие производства (предметы роскоши) и такие торговые предприятия (магазины с вкусными вещами на Тверской), которые обслуживают исключительно буржуазию. Рабочий класс, если его приводят в негодование все эти кафэ, магазины цветов и лавки с пирожными и бисквитами, если его раздражают непомерные прибыли торговцев и спекулянтов, должен всячески поддерживать налоговую политику своей власти. Если мы допустили свободу торговли,—а ее никто не предлагает уничтожить,—то у нас есть лишь один способ ограничить до минимума доходы торговцев и спекулянтов в государственном масштабе, и этот способ сводится к беспощадному обложению налогами всех не-государственных предприятий и промыслов, а также к оплате большинства услуг, оказываемых государством населению. Рабочие должны радоваться каждому новому налогу. Они должны заботиться при этом лишь об одном, чтобы вычеты из их заработной платы при этом всегда были возвращены им государством. И Советское государство со своей стороны считает такое возвращение первейшей обязанностью.

Мы отнюдь не преувеличиваем возможной роли налогов во всем нашем бюджете, но что мы этими налогами можем уже в течение ближайшего года получить до 20 проц. всех сумм, которые мы получаем от выпуска бумажек, в этом убедится каждый, кто возьмет на себя труд подсчитать соответствующие цифры. А это значит, что благодаря налогам мы можем либо на 20 проц. сократить нашу эмиссию, стремясь к твердой валюте, либо увеличить на эту сумму наши производительные расходы.

Вот данные о том, сколько мы получили по налогам, уже введенным, и за оплату государственных услуг, и сколько предполагаем получить:

Железнодорожные перевозки с 15-го июля по 1-е ноября—127 миллиардов.

Почта и телеграф—за три месяца—около 6-ти миллиардов.

Промысловый налог—по 21 губернии за два месяца—24 миллиарда.

В Москве налоги дают уже Московскому Совету 30 миллиардов в месяц. Если вспомнить, что государство приплачивает 75 миллиардов, то огромная роль налогов в бюджете московского хозяйства делается совершенно очевидной.

На 1922 год предполагается получить путем налогов около 30 милл. рублей на золото. Эти предположения очень скромны и получено будет значительно больше. Тем более, что к налогам прямым будут прибавлены акцизы и частью уже прибавлены на вино, табак, спички и проч. продукты роскоши или на продукты не первой необходимости.

Нам предстоит обратить особое внимание на обложение ремесла и кустарной промышленности. Если крестьянство по продналогу даст государству до 8 проц. своего валового дохода, то не в меньшей сумме мы должны обложить и мелкую частную промышленность, которая на протяжении всей революции ускользала от всякого прямого обложения, если не считать государственных заказов кустарям. До войны эта отрасль промышленности имела продукцию до 800 миллионов золотых рублей. Пусть теперь эта сумма меньше, пусть она равна 500 или 400 милл., то и тогда мы можем получить путем обложения ремесла в проценте натурналога до 30—40 миллионов на золото в год, т.-е. от $^1/_7$ до $^1/_9$ всей нашей предполагаемой на 1922 год эмиссии.

Роль налогов в нашем бюджете будет с каждым месяцем, с каждым годом расти. Денежные налоги являются наследниками эмиссии в нашем бюджете. Эмиссия должна сокращаться прежде всего за счет увеличения налогов. Правда, для государства, являющегося крупнейшим производителем и оптовым купцом, прибавка к продаваемым им товарам является более дешевым и удобным способом обложения, чем любой прямой налог. Но, во-первых, для осуществления налоговой системы в этой форме нужны такие успе-

ми в производстве, от которых мы весьма далеки. Во-вторых, прямые налоги придется сохранить прежде всего потому, что они дают нам возможность облагать те слои населения, которые должны быть обложены в первую очередь. При налогах в форме торговой прибыли это не так легко достижимо.

Тарифы.

Лишь в самое последнее время тарифная политика стала согласовываться с финансовой, хотя необходимость такого согласования чувствовалась уже давно. В период до новой экономической политики наши тарифы неизбежно отставали от падения курса рубля и тот налог, которым является выпуск бумажных денег, все время в определенном проценте падал на заработную плату. Это было неизбежно, потому что доля государственного дохода, получаемого от выпуска бумажек, сокращалась, доля получаемого путем натуральных налогов (продразверстка) увеличивалась. Так как, в 1918—1920 годах производительность крестьянского хозяйства и ремесла, т.-е. мелкого частного производства, не увеличивалась, а скорее уменьшалась, то при увеличении натуральных налогов не только не было ресурсов для увеличения доходов от эмиссий, но эти доходы неизменно падали, как указывают вышеприведенные цифры. А раз так, то и денежная часть заработной платы, поскольку дело идет не о количестве рублей, а о покупательной способности всей денежной заработной платы, должна была неизбежно падать. При росте натуральных налогов на основе падающей продукции мелкого хозяйства, тарифы неизбежно должны были отставать от падения цен и в этом отставании находили свое выражение,—необходимость сокращения потребления для рабочего класса вообще.

Но если покупательная способность денежной заработной платы при увеличении натуральных выдач должна была неизбежно падать и никакая ни финансовая, ни тарифная политика не была в силах это предотвратить, то тот хаос, который царил в тарифной области, отнюдь не был обязателен и для этого периода. Во-первых, тарифы повышались скачкообразно, через слишком большие промежутки, тогда как цены росли непрерывно, с известной закономерностью. Во-вторых, при назначении тарифов, совершенно не принималось во внимание, путем хотя бы приблизительного подсчета, в какой степени и на какие сроки должна была падать покупательная способность всей заработной платы в целом. Тарифы повышались постольку, поскольку удавалось вырывать известные суммы бумажек от Наркомфина. А Наркомфин сам определенно не знал, какое количество рублей, по какой покупательной способности он мог бы гарантировать в ближайшие четверть года или полгода в качестве фонда заработной платы. Отсутствие финансового плана вносило хаос в тарифную политику; с другой стороны, наиболее заинтересованные в таком плане профсоюзы не дошли до выработки плановой финансовой политики, исходя именно из потребности плановой тарифной политики.

Как же должно обстоять дело теперь? В каком виде рисуется теперь, при новой экономической плановой финансовой политике, согласование последней с политикой тарифной? Поясним это примером.

При системе плановой эмиссии и твердом бюджете в 1922 г. Наркомфин должен распределить за 9 месяцев, т.-е. с 1-го января по 1-е октября 347 милл. рублей, считая на золото. Допустим далее, что все расходы государства, кроме расходов на заработную плату рабочих и служащих, равны 150 милл. на золото, тогда фонд денежной заработной платы будет равен 197 милл. на золото *). Иными словами, при системе плановой эмиссии и твердом бюдже-

*) Фактически расход на заработную плату по денежной части бюджета равен около 60 проц. всей суммы.

то, фонд заработной платы представляет относительно устойчивую величину. Я говорю относительно, потому что раз некоторым государственным предприятиям и трестам предоставлено право продажи части продуктов на вольном рынке, через кооперацию и самостоятельно, то фонд заработной платы может быть увеличен и из этого источника, но в данном случае это не имеет значения, потому что мы говорим о фонде, полученном от государства непосредственно. Размеры этого фонда могут быть заранее сообщены тарифным органам профсоюза и они могут осуществлять свою тарифно-расценочную работу лишь в пределах этого фонда.

Поскольку фонд заработной платы представляет на каждый ближайший год постоянную величину, уже не может быть речи о выработке таких тарифов, денежной части заработной платы, которые в сумме дали бы больше, чем это предусмотрено по бюджету. С этой точки зрения все тарифные упражнения, не исходящие из сумм фонда, представляют из себя никому не нужное и даже вредное занятие, поскольку они неизбежно приводят к обману рабочих, к обещанию им того, что им объективно не может быть дано. В частности всякие вычисления прожиточного минимума могут служить материалом для иллюстрации нашей нищеты, поскольку мы еще далеки от возможности обеспечить этот минимум, но не могут лечь в основу построения реальных тарифов. Реальные тарифы должны быть планом распределения (под углом зрения поднятия производительности труда) того, что есть, а не того, что желательно было бы иметь. Осенью началась по всей стране настоящая тарифная вакханалия. Тарифные отделы губпрофсовета не только вырабатывали, но и проводили тарифы вне общего плана распределения денежных ресурсов республики. Рабочим обещали высокие тарифы, а потом требовали денежных знаков в таких размерах, в каких государство при всем желании дать не может. Получался не только обман рабочих, но и втягивание их в конфликты с Советской властью. Рядом с этим, рядом с тарифами, вздуваемыми до миллиона, были категории работников, продолжавших оставаться при

старых ничтожных тарифах. Все это вносило разлад в среду рабочих, которые не могут мириться с такой тарифной чехардой. Всему этому теперь, повидимому, кладется конец. Тарифный отдел ВЦСНС исходит в настоящее время в построении тарифов из фонда заработной платы, реально даваемого государством, а не из арифметических упражнений насчет прожиточного минимума, восстанавливает тарифную дисциплину, прекращает творчество местных тарифов на государственных предприятиях. В результате тарифная политика делается продолжением и завершением финансовой политики и вместе с последней сцепляется с общеэкономической политикой государства.

Государственный банк.

В капиталистическом обществе банки являются прежде всего учетно-распределительными пунктами свободного денежного и товарного капитала. Свободный капитал притекает в банки в форме вкладов всякого рода и потом распределяется банками по всем тем пунктам хозяйственного организма, где необходимо расширение производства или организация новых предприятий. Следовательно, основой развитой банковской деятельности является наличие свободных капиталов в стране. Без избыточного капитала в стране, который мог бы подлежать распределению через банковую систему, нет почвы для основных функций банка.

Все остальные функции банков в существенном сводятся к использованию временно высвобождающихся капиталов и к увеличению в интересах производства до максимума, высвобождаемого национального денежного капитала в каждый данный момент. Это необходимо иметь в виду для понимания основных функций **нашего** государственного банка, с которым иногда связывают слишком преувеличенные надежды, основанные на простом воспоминании прошлого, без анализа особенностей нашего положения.

Есть ли и в каком количестве есть в советской России конца 1921 г. свободный денежный и товарные капитал? Этот капитал имеется в весьма ничтожном размере. Все бумажные деньги, обращающиеся в стране в переводе на золотую валюту имеют стоимость 120—130 миллионов золотых рублей. На каждого жителя приходится в среднем по 1 рублю или по 80.000 руб. теперешними бумажными деньгами (по курсу ноябрь—декабрь). При таких условиях смешно говорить об избыточном денежном капитале. Он был в свое

время у крестьянства, но теперь обесценился либо реализован на разные закупки. Держателями денег теперь, главным образом, являются торговцы и подгородные кулаки.

Что касается товарного капитала, то он также не в излишке, но несомненно увеличивается по мере развязывания производительных сил.

При таких условиях Государственному банку для его операций нет достаточно простора, базис для его деятельности до крайности сужен. Кроме того, в обстановке эмиссии и падающего курса рубля всякая банковая деятельность вообще до крайности затруднена. Поэтому, главная функция банка будет заключаться первые месяцы, а может быть годы **нестолько в мобилизации свободных средств страны** и их перераспределении в хозяйстве, сколько в целесообразном **распределении государственных средств между государственными предприятиями.** Предприятия, переведенные на хозяйственный расчет или тот или иной трест кредитуются у банка, должны возвращать ссуды в определенный срок с начислением процентов, хотя бы льготных и меньших, чем требуется падением курса рубля. Это дисциплинирует предприятия, подтягивает их, заставляет до минимума сокращать расходы, быстрей оборачивать капитал и т. д. Все это делает предприятие гораздо более подвижным, чем, когда это предприятие финансируется государством в сметном порядке.

Такая же политика проводится по отношению к кооперации, которой, разумеется, дается меньше льгот при уплате процентов по ссудам. Это заставит и отчасти уже теперь заставляет кооперацию удешевлять свой аппарат и лучше работать. Есть много оснований думать, что Центросоюз с его местными органами, обладая огромным и недостаточно подвижным аппаратом, тратят на этот аппарат часть своего оборотного капитала, полученного от государства. При финансировании кооперации в банке на основе банковских принципов, такое положение долго продолжаться не может. Или кооперация сумеет вести свои операции безубыточно и будет погашать ссуды своевременно, либо она лишится кредита в Госбанке и должна будет уступить место другим более жизненным общественно-хозяйственным органам.

Банк в последнюю очередь финансирует и частную промышленность и торговлю, при чем здесь он должен требовать такого процента, который возмещает падение курса рубля. Это требование не является чрезмерным. В настоящее время денежные ростовщики в Москве берут со своих клиентов из торговцев по 1½—2% в день или до 50% в месяц роста на ссуженный капитал. При возмещении лишь падения курса рубля, частные клиенты банка получают возможность кредитоваться в банке на гораздо более выгодных условиях, чем они кредитируются теперь у подпольных денежных ростовщиков. Здесь получается обоюдная выгода для обеих сторон. Банк, давая ссуду частным лицам, страхует этим от обесценения часть своего оборотного капитала. Его клиенты освобождаются от эксплоатации денежных ростовщиков.

Что касается вкладной операции, то она, разумеется, не может принять широких размеров по указанным выше причинам, с одной стороны, и вследствие, с другой стороны, того, что банк не может возместить вкладчику убытки от обесценения вклада вследствие падения курса. Но из общей денежной массы, циркулирующей в стране, есть несомненно такая ее часть, которая все равно известное время лежит без движения и обесценивается на всю сумму падения курса рубля. Давая вкладчикам небольшой (в сравнении с падением курса) процент, банк делает вкладную операцию для этой части денежного капитала выгодней и следовательно делает в этой части и в этом размере возможным развитие вкладной операции.

Кроме перечисленных функций, банк будет развивать и другие банковские операции: учет векселей, переводные операции и т. д.

В общем и целом, банк, несмотря на громадные трудности работы в обстановке падающего курса, в состоянии будет сделать большое дело в одном из важнейших пунктов осуществления новой экономической политики и, по мере стабилизации рубля, будет приобретать все большее значение во всей экономике страны.

Наш бюджет на 1922 год.

В предыдущие годы революции наш бюджет находился в хаотическом состоянии как в своей приходной, так и расходной части. Никто в республике не знал доходной части бюджета. Было известно, правда, вполне точно количество выпущенных и выпускаемых денег, но не задавались вопросом о том, каков их реальный ценностный эквивалент, т.-е. попросту не знали размеров государственного дохода от эмиссии. Знали количество полученных по разверстке продуктов, но не интересовались выражением этих ценностей в золотом исчислении, как не интересовались цифровым выяснением удельного веса разверстки во всем материально-денежном бюджете государства. Наконец, полный туман был в области доходов от промышленности. Формально у нас существовал бюджет, общая смета, смета ведомств, но все эти документы лишь в очень малой степени отражали реальный бюджет, потому что лишь часть бюджета являлась денежной. Туману в области приходной части бюджета соответствовал туман и бессистемность в области расходов. Весь бюджет республики и в частности бюджет каждого ведомства складывался из трех основных величин: денежных знаков, продуктов потребления, доставляемых Наркомпродом, продуктов промышленности. Доля денежной части в общем бюджете никому не была известна. А потому никому не могло быть известно, хотя бы за полгода вперед, сколько можно и действительно необходимо дать каждому комиссариату в денежной части

бюджета. А так как сметы ведомств и отпущенные им кредиты, отпущенные без учета общего бюджета и даже денежного, в связи с техническими затруднениями экспедиции, оторвались от дензнаков, то получилось то невозможное положение, какое стало особенно невыносимо в 1921 году. С бюджетным хаосом надо было покончить как можно скорее.

Что же нового мы можем ожидать от планового бюджета 1922 года и как он получился?

Во-первых, мы постарались привести в известность нашу доходную часть. Предполагаемые поступления по продналогу мы перевели на золото в довоенных ценах. В ВСНХ была подсчитана вся валовая продукция нашей национализированной промышленности за 1920 и 1921 г.г., а также переведена на золотые рубли стоимость ожидаемых от производства ценностей с января по октябрь 1922 года. (Кстати, бюджетный год, по предложению финансовой комиссии, Совнарком утвердил с 1-го по 1-е октября, т.-е. он начинается после реализации урожая, от которого зависит судьба промышленности. В 1922 году бюджетный год поэтому взят в 9 месяцев, т.-е. с 1-го января по 1-ое октября). Затем мы выразили в золотых рублях стоимость всех ожидаемых поступлений и денежных налогов, оплаты государственных услуг, монополий, акцизов, государственной торговли, затем высчитали золотой эквивалент предположенной на 1922 год эмиссии, которая должна покрыть дефицит первого бюджета и которую, не в пример прошлым годам, было постановлено заранее ограничить возможно более минимальной суммой.

Из всех этих слагаемых и получается приходная часть нашего бюджета. Наш приходный бюджет на 9 месяцев 1922 года равен 1.410 миллионам. Во всех случаях, где необходимо было при приблизительных данных выбирать между меньшей и большей суммой, мы брали меньшую, и весь этот бюджет является несколько преуменьшенным в сравнении с реальными ожиданиями. Вся эта сумма складывается из следующих основных величин: доход от промышленности, транспорта, топливных заготовок, совхозов

и лесного хозяйства—882,7 миллионов золотом, доход от продналога—180 миллионов, от налогов—117,3 миллиона, от эмиссий—230 миллионов.

Уже из этих цифр видно, каким вздором является утверждение зарубежной и иностранной буржуазной печати, что Советская власть теперь существует, главным образом, на эмиссии. Если принять во внимание, что мы из осторожности уменьшили несколько доходную часть материального бюджета, то можно будет утверждать, что эмиссией покрывается не 16,4%, т.-е. не одна шестая, а вероятно менее $^1/_7$ нашего бюджета. Кроме того, Совнаркомом постановлено в случае, если по налогам у нас будет недобор на соответствующую сумму, сократить расходы ведомств, но ни в каком случае не увеличивать эмиссии. Если же налоги будут больше, чем от них ожидаем, на соответствующую сумму сокращается эмиссия. Во всяком случае, советское государство покрывает выпуском бумажных денег значительно меньшую часть своего расходного бюджета, чем буржуазные правительства Польши, Австрии и Германии *).

Из сказанного видно и другое: видно, какую огромную работу нам надо проделать в области налоговой. Правда, в общем бюджете налоги и доходы от монополий, акцизов и государственной торговли составляют не менее 8%, но зато в денежной части бюджета они составляют немного меньше трети. Срыв налоговой программы срывает весь план распределения денежных знаков (в золотом исчислении) на ближайший бюджетный год, и комиссариаты будут урезаны в своих сметах. Чтобы этого не случилось, все комиссариаты и все органы государства должны употреблять все усилия для выполнения налогового плана и всячески увеличивать поступления из этого источника.

---

*) Согласно заявлению министра финансов Германии в рейхстаге, в конце осени, бюджет Германии намечался в 172 миллиарда, из которых дефицит 112 миллиардов. Еще летом дефицит был 50 миллиардов, в самое последнее время дефицит еще более возрос, достигая ½ бюджета.

Перейдем к расходной части. Каждый комиссариат получает ресурсы трех видов: денежные знаки, продовольственные продукты, предметы промышленного производства. Что касается денежных знаков, то каждый комиссариат получает известный процент в денежной части бюджета, исчисленного в золоте, и ему гарантируется получение такого количества денежных знаков, какое необходимо при данном курсе рубля для реализации ассигнованной ему суммы ценностей. Иными словами, если Наркомздраву ассигновано 18 миллионов на золото на 9 месяцев, или 2 миллиона в месяц, то в январе он получит бумажных денег по курсу столько, сколько нужно для покупки продуктов на вольном рынке на 2 миллиона золотом в довоенных ценах. Если к апрелю курс рубля пал на 30 проц., то в апреле Наркомздрав получит бумажек на 30 проц. больше, чем в январе, и т. д. Никакого разрыва между кредитами и денежными знаками не будет, как не будет реального уменьшения количества получаемых ценностей в результате падения курса рубля. Наш денежный бюджет есть своеобразный вид твердого бюджета при падающей валюте. Падение курса учитывается, как об'ективно неизбежный стихийный процесс, и к нему приспособляется бумажное покрытие денежной части бюджета. Цифры, характеризующие долю каждого комиссариата в денежной части бюджета, я приведу в следующей статье.

Что касается продовольственной части бюджета, то все поступающее и ожидаемое к поступлению до нового урожая продовольствие распределено по государственному плану снабжения между всеми наркоматами. Натуральная продовольственная часть меньше денежной (считая на золото), она взята в размере 180 миллионов.

Весь годовой доход от продналога мы исчислили в размере 250 миллионов по довоенным ценам. Продовольственники берут цифру большую, но мы остановились на самой минимальной, зато абсолютно гарантированной. Так как часть продналога будет израсходована в этом году, то для бюджета с 1-го января по 1-е октября 1922 года мы взяли

лишь ¾ общего дохода от продналога, или, с округлением, 180 миллионов (более точная цифра 187,5 миллионов). Так как цифры распределения по государственному плану снабжения были уже опубликованы, я не буду их приводить.

Сложней обстоит дело с третьей составной частью бюджета, с продуктами государственной промышленности. Предполагаемая продукция не разделена между производителями, т.-е. ВСНХ, и ведомствами-потребителями. Это не могло быть сделано вследствие еще незаконченной перестройки в области крупной промышленности и неясности относительно того, какая часть продукции ВСНХ должна пойти внутри для его собственных предприятий или реализована на рынке для этих предприятий, и какая часть может поступить в распределение между комиссариатами. Некоторым условным и весьма приблизительным планом распределения является временно открытие ведомствам кредитов на оборотные перечисления. Так, если за 9 мес. 1922 г. Комиссией Использования будет распределено продуктов не на 600 милл., как за этот год, а только 500, и из этой суммы 200 уйдет в ВСНХ, то 300 милл. условно можно распределить между ведомствами, основываясь отчасти на цифрах того, сколько они получили прошлый год, отчасти на их бюджете в денежной и продовольственной части. Ведомство, получившее фонд оборотных перечислений, имеет право, на основе безденежного расчета, получить те или иные продукты промышленности от ВСНХ через Комиссию Использования. Это относится и к другим хозяйственным комиссариатам, доставляющим фонд оборотных ценностных перечислений. Разумеется, в дальнейшем мы не только должны будем составить план государственного распределения выработки государственных заводов, но и объединить самые аппараты распределения денег и продуктов.

Кроме бюджета государственного, создаются местные бюджеты на основе местных налогов и прибавок для местных нужд к ставкам налогов государственных и путем использования других местных же источников дохода. Местные бюджеты уже существуют или создаются. Сейчас еще нет никаких данных для суждения о том, какие размеры

примет бюджет мест в сравнении с государственным. Нужно отметить лишь здесь одно. Местные бюджеты ни в какой мере не опираются на эмиссию, и поэтому прибавление цифр местных бюджетов к общегосударственному бюджету лишь еще больше уменьшит удельный вес эмиссии в нашем общем бюджете.

Мне еще придется не раз писать о нашем бюджете. Я хотел бы в заключение подчеркнуть один важнейший момент. В нашем бюджете есть дефицит. Этот дефицит покрывается эмиссией, ведущей к систематическому падению курса рубля со всеми отрицательными последствиями этого факта. Нам необходимо рассосать дефицит. Это мы можем сделать, атакуя дефицит с разных сторон одновременно. Если мы выполним с излишком налоговый план, мы сможем на сумму излишка уменьшить эмиссию. Если мы произведем больше, чем намечено в наших предприятиях, и соответственно больше выбросим товаров на крестьянский рынок, мы можем сократить эмиссию. Если мы, не увеличивая количества произведенного, сократим издержки производства, мы можем сократить эмиссию. Если мы начнем торговать с деревней, используя внешнюю торговлю, мы можем уменьшить эмиссию. Если урожай в 1922 году будет хотя бы только средний и мы соберем налог полностью, мы можем уменьшить дефицит и эмиссию.

Под этими лозунгами мы начнем проводить через месяц наш первый за время революции плановой материально-денежный бюджет республики.

Финансовые перспективы.

Для понимания нашей теперешней финансовой конъюнктуры и видов на будущее, прежде всего, видов на тот или иной курс рубля, рассмотрим рост эмиссии и движение курса рубля, начиная с января 1917 года. К январю 1917 года в обращении имелось бумажных рублей на 9.225 миллионов, курс рубля пал в 2,18 раза, или 2 руб. 18 коп. бумажных были равны рублю довоенному. К январю 1918 года эти цифры были таковы: бумажек в обращении 27.312 миллионов, курс рубля пал в 16,3 раза. К январю 1919 года бумажек в обращении—61.264 миллиона, курс рубля—103. К январю 1920 года бумажек в обращении—225.016 миллионов, курс рубля—1.670. К январю 1921 года бумажек в обращении—1.168.59—8 миллионов; курс рубля—12.900. К 1-му апреля 1921 года бумажек в обращении—1.685,9 миллиардов, курс рубля 32.630. За первую четверть 1921 года бумажных денег выпущено, в сравнении со средней четвертью 1920 года, в два раза больше, курс же рубля пал за это время в 2½ раза. Март—апрель—это начало новой экономической политики, поэтому мы рассмотрим влияние этой политики на нашу финансовую конъюнктуру отдельно.

Итак, за 1917 год число бумажек в обращении выпущено в 1,3 раза больше, чем в 1916 году, курс же рубля пал в среднем в 4 раза. За 1918 год количество бумажек выпущено в 1,9 раза больше, чем в 1917 году, курс де-

нег пал почти в 10 раз. За 1919 год количество бумажек выпущено в 4,8 раз больше, чем в 1918 году, курс рубля пал немного меньше, чем в 10 раз. За 1920 год денег выпущено в сравнении с 1919 годом почти в 6 раз больше, курс же рубля в сравнении с 1919 годом пал почти в 9 раз *). За первую четверть 1921 года бумажных денег выпущено в сравнении со средней четвертью 1920 года, немного меньше, чем в два раза, курс же рубля пал несколько больше, чем в 2½ раза.

Что говорят эти цифры?

Эти цифры говорят, что курс рубля, начиная с 1918 года, падал быстрее, чем рос выпуск бумажных денег. Он падал, следовательно, не только под влиянием роста бумажных выпусков, но и под влиянием какого-то другого, очень сильного фактора. Не трудно догадаться, какой это фактор. Этот фактор—сокращение емкости вольного рынка, сокращение общей ценностной суммы товаров, находившихся в обращении, сокращение того общественно-необходимого количества денег, которое нужно для обслуживания товарооборота.

Это сокращение рынка в различные годы революции было разное. В той территории, которая все время находилась в руках Советской власти, сокращение непрерывно продолжалось до начала новой экономической политики, как вследствие сокращения мелкого производства вообще, так и вследствие роста разверстки, уменьшавшей то количество товаров сельскохозяйственного производства, которые при отсутствии разверстки были бы брошены производителями на вольный рынок. Присоединение окраин увеличивало территорию и емкость рынка, поскольку рынок хлебных окраин был наименее истощен.

С этой точки зрения 1919 год был годом, когда к фактору органического сокращения товарооборота присоединилось действие потерь территории и чисто механического

*) Курс рубля здесь берется средний за год, а не на 1-ое января каждого года, используя отчасти цифры тов. Струмилина.

сокращения рынка. 1920 год был годом расширения территории до ее теперешних размеров. Это отчасти отразилось на уменьшении темпа падения курса рубля в сравнении с 1919 годом. Первая четверть 1921 года является типичным продолжением 1920 года в темпе падения курса рубля.

Наоборот, полугодие с 1-го апреля по 1-е октября, т.-е. первое полугодие новой экономической политики, представляет разительное отличие от предыдущих лет. За эти полгода бумажных денег выпущено в обращение в 6 раз больше, чем за среднее полугодие 1920 года, курс рубля должен был бы при прочих равных условиях, как и в 1920 году, в сравнении с предыдущим, пасть в 4 раза, в действительности же на 1-е апреля курс рубля был 33.630, а на 1-е октября—52.800, т.-е. упал всего на 61,8 проц. Этот огромный перелом объясняется тем, что наш вольный рынок, неизменно сокращавшийся за время революции, начал снова расширяться и действие этого фактора привело временно почти к приостановке падения курса рубля.

Что же ожидает нас в 1922 году и в дальнейшем?

Это зависит от того, как быстро будет продолжаться рост нашей эмиссии, во-первых, и как быстро будет расширяться емкость нашего товарного рынка, во-вторых. Во всяком случае, конъюнктура финансовая изменилась весьма существенно и неизбежный рост рынка будет ослаблять действие эмиссии на курс нашего рубля. Возьмем пример. Допустим, в 1921 г. мы выпускаем бумажек в 6 раз больше, чем в 1921 г. При всех прочих равных условиях, т.-е. при равной емкости рынка, быстроты оборота денег и оборота товаров, отсутствия каких-либо новых средств безденежного расчета и т. д., или роста денежного накопления, мы должны ожидать падения курса приблизительно в 6 раз. Если же рынок расширится в два раза, то при том же размере эмиссии курс рубля падет в два раза меньше. Уже одно это будет огромным улучшением, притом улучшением, которое нам ничего не стоит, которое преподносится нам рыночной стихией. Какое огромное значение имеет сейчас изменение финансовой конъюнктуры для покупательной способности нашей эмиссии, можно

видеть по тому, что за все первое полугодие 1921 года мы взяли эмиссией продуктов всего до 30 милл. на золото, тогда как за второе полугодие взяли более 130 миллионов *).

Второе улучшение в нашем бюджете будет итти от налогов, монополий, акцизов, о предполагаемых размерах которых мы уже говорили выше. Третье улучшение мы будем иметь от сокращения непроизводительных расходов на государственный аппарат.

Но самым главным источником постепенного рассасывания нашего бюджетного дефицита, ныне покрываемого эмиссией, должно служить расширение продукции наших социалистических предприятий, развитие внешней торговли и долевое отчисление прибыли от концессий и предприятий, сдаваемых в аренду.

Если теперь общий доход брутто от наших государственных предприятий равен приблизительно одному миллиарду, то увеличение продукции на 20—30 проц., при увеличении чистого дохода, за покрытием возрастающих расходов на заработную плату и другие расходы, хотя бы на 5 проц., уже даст уменьшение дефицита на 50 миллионов на золото. Такой производительный эффект для 1922 г. вполне возможен при самых преуменьшенных расчетах, а это будет означать покрытие одной пятой всей нашей эмиссии из этого нормального производственного источника. В этом пункте мы имеем смычку нашей финансовой политики с нашим производством.

Что касается внешней торговли, то здесь перспективы очень широкие, хотя в 1922 г. их реализовать удастся в весьма небольшой части. Если наше крестьянское хозяйство поднимется до военного уровня,—а оно уже поднимается—и излишки его производства будут экспортироваться за границу, то Внешторг в состоянии будет, в качестве посредника между нашей деревней и капиталистическим рынком Запада.

---

*) Наша усиленная эмиссия за ноябрь—декабрь, вызвавшая резкое падение курса рубля, является однако предельной по размерам. В 1922 г. было бы неосторожно брать путем эмиссии более 25 милл. в месяц.

приносить очень большую торговую прибыль Советскому государству.

Торговая прибыль Внешторга от ввоза и продажи внутри страны товаров, на которые у нас наибольшие цены в сравнении с за границей, затем таможенные пошлины, если будет разрешена в некоторых случаях торговля помимо Внешторга, дадут новый источник рассасывания нашего бюджетного дефицита.

Что касается концессионного капитала, то в 1922 году мы не можем ожидать серьезных доходов от этого источника, арендная же плата от средних предприятий, сдаваемых частным лицам и кооперативам, уже начинает поступать и будет расти. Некоторым плюсом она войдет в наш доходный бюджет уже в 1922 году.

В итоге, имея плановую эмиссию и действие всех перечисленных факторов, мы можем постепенно из года в год сокращать наш дефицит и уменьшать расход эмиссии, а следовательно будем иметь, быть может, не столь быстрое, как нам бы хотелось, но за то верное улучшение курса нашего рубля.

На этом пути мы дойдем до пункта, когда в обстановке роста товарооборота, при скромной эмиссии, мы будем иметь устойчивый курс, поскольку вредное действие эмиссии целиком будет поглощаться растущей потребностью в средствах обращения с одной стороны и восстановлением процесса накопления их населением, с другой.

Приложение.

ФИНАНСЫ
И
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

(Лекция, прочитанная 15 октября 1921 г. в участковой партийной школе московской комиссии Р. К. П.)

Финансы и новая экономическая политика.

Товарищи, вопросы финансовой политики нельзя рассматривать отдельно от вопросов экономической политики. Для понимания финансового положения той или другой страны необходимо иметь ясное представление об экономическом положении этой страны, потому что финансовая политика есть только часть общей экономической политики. Поэтому, для выяснения вопросов о задачах нашей финансовой политики в настоящий период, нам и нужно: с одной стороны бросить взгляд на экономическое положение советской республики, это—во-первых, а во-вторых, установить тесную связь, какая существует и должна существовать между политикой финансовой и обще-экономической политикой страны.

Начнем с нашего национального дохода. Национальные доходы до войны, по вычислениям некоторых экономистов, равнялись от 11 до 13 миллиардов рублей на золото,—то-есть, иными словами, тот доход, который получала страна от промышленности, от земледелия и от всех промыслов, которыми население занималось в стране, этот доход равнялся за один год сумме от 11 до 13 миллиардов на золото. В этот доход не входит, конечно, то, что было создано трудом в предыдущий период. Следовательно, национальный доход нужно отличать от национального имущества, поскольку последнее создавалось трудом на протяжении нескольких десятилетий, а часто столетий. Есть, например, некоторые дома в Кремле, которые были построены столетия три, четыре тому назад. Поэтому го-

довой национальный доход включает в себе только то, что создано в виде новых ценностей на протяжении этого года. И поэтому в каждой стране национальное имущество, конечно, несравненно более велико, чем национальный доход за каждый определенный год.

Итак, до войны наш национальный доход равнялся вышеназванной сумме. Что же мы имеем теперь в этой области в период революции? К сожалению, совершенно отсутствуют точные статистические данные относительно промышленности за 1918—1919 годы, а есть лишь данные за 1920 годы. Что же касается производительности сельского хозяйства, ремесленной и кустарной промышленности, то продукция в этих отраслях более или менее подсчитана нашей всеобщей статистикой, которая была проведена в прошлом году, и на основании ее мы можем иметь некоторое представление о наших национальных доходах. Если сложить, во-первых, производительность нашего сельского хозяйства за год, то-есть подсчитать в золоте весь средний урожай за каждый революционный год, прибавить сюда доход от животноводства, прибавить сюда производительность в ряде других отраслей сельского хозяйства или соответствующей промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства; затем, если к этому прибавить доход от ремесленной или кустарной промышленности, то мы получим сумму доходов от нашего мелкого хозяйства, не социалистического, конечно, получим сумму, приблизительно равную 3½—4 миллиардам рублей на золото. Если мы возьмем национализованную промышленность, социалистическую промышленность, то хотя мы не имеем точных данных, но приблизительные подсчеты, которые сделаны В. С. Н. Х. и некоторыми товарищами, в частности, мною лично, сходятся на том, что валовой доход от социалистической промышленности не может быть выше одного миллиарда с небольшим; иными словами, в сумме мы имеем национальных доходов 4½—5 миллиардов рублей, в то время, как я уже указывал, эта сумма до войны была в два с половиной раза больше. Таким образом, мы обеднели в смысле национальных доходов приблизительно в три раза. Больше всего пострадала наша промышленность. Она давала до войны пять миллиардов рублей, то-есть почти половину довоенных доходов. Теперь же дает только один миллиард с по-

большим. Сельское хозяйство пострадало меньше. До войны оно давало шесть миллиардов с лишним. Теперь дает около трех, трех с половиной миллиардов. Что касается кустарной промышленности и ремесла, то они меньше пострадали. Они, вероятно, дают около полумиллиарда рублей.

И вот, товарищи, на этой самой базе наших национальных доходов нам приходится вести и соответствующую финансовую политику. Наше социалистическое государство имеет и свои доходы и свои расходы. И основная задача нашей финансовой политики заключается, разумеется, в том, чтобы по возможности свести наш бюджет без дефицита, то-есть без тех прорех, которые нечем заткнуть в бюджете. Каковы же доходы нашего социалистического государства? Не надо смешивать доходы социалистического государства, которые получаются от железных дорог, национализованных фабрик и заводов, совхозов и так далее,—не надо смешивать доходы социалистического государства с общенациональными доходами, потому что мелкое хозяйство является хозяйством частным, самостоятельным. Государство может от него получать определенное количество доходов путем налогов, но в остальном мелкое хозяйство живет собственной жизнью и само распоряжается продуктами, производимыми в своем хозяйстве. Поэтому мы из пяти миллиардов национального дохода можем выделить, как доход нашего социалистического государства, тот миллиард, который создается нашей крупной промышленностью, нашим транспортом, на наших заготовках рыбных, лесных,—одним словом, на всех предприятиях государственного характера. Теперь к этому надо прибавить то, что мы получим путем налогов.

Раньше главной статьей наших налогов была прогрессивка, которая потом была заменена продналогом. Далее, следующим источником доходов является для нас выпуск бумажных денег, который, как я более подробно поясню, представляет определенный вид налога, накладываемого государством на общество.

Мы, товарищи, эти три с половиной года вели гражданскую войну, и, разумеется, за это время наши расходы должны были быть очень велики. Мы содержали почти пятимиллионную армию, колоссальную армию, которую нужно было обувать, одевать, кормить, вымачивать опре-

деленную денежную сумму и красноармейцам, и командному составу, делать закупки для армии, содержать военную промышленность. Эти расходы, которые были очень велики, поглощали бо́льшую часть бюджета государства. И поэтому совершенно ясно, что наша Советская власть не могла просуществовать только на те доходы, которые она получала с одной стороны от разверстки, с другой стороны от производительности ее социалистических заводов. Вот из этих видов доходов одним из главнейших был за все время революции выпуск бумажных денег. Путем выпуска мы покрывали тот самый дефицит, который был в нашем бюджете.

Остановимся на том, что за налог—выпуск бумажных денег и на кого он падает, а затем посмотрим насколько этот налог был велик и сколько он давал. Когда мы приходим на рынок в нормальных условиях капиталистического хозяйства, то мы, как правило, видим на нем следующую картину: определенные ремесленники, крестьяне или купцы, имеющие товары, являясь на рынок, что-нибудь продают из тех товаров, которые они имеют, получают за это деньги и на них что-нибудь покупают. Таким образом рынок представляет собой место обмена товаров, которые создаются в стране, и поэтому за каждой покупкой следует продажа; за каждой продажей снова покупка,— и совершается известный круговорот товарных ценностей. Но представьте себе, что на рынок является государство, в виде известных своих органов, и закупает определенные продукты на бумажные деньги. Что здесь происходит? Здесь происходит нечто отличное от того, что обычно наблюдается на рынке, когда крестьянин привез, скажем, картошку, то-есть определенный продукт труда, продал ее и купил на нее гвозди, топор и уехал обратно в деревню, совершив известный товарообмен при посредстве денег. Нечто другое получается, когда на рынок выступает государство, которое выпускает бумажные деньги, то-есть те самые деньги, при посредстве которых обмен происходит. Оно является с этими деньгами, но никаких ценностей на рынок не приносит. Здесь происходит односторонняя, так сказать, покупка без продажи. Государство ничего не продает, как крестьянин или ремесленник, или кустарь. Государство никакого товара не приносит, а, наоборот, уходит с рынка с товарами,

которые купило на свои бумажные деньги. Следовательно выпуск бумажных денег с этой точки зрения представляет собой вид налога, который и накладывается на все товарное обращение. И если мы представим себе, что бумажный рубль равняется по стоимости рублю золотому,—а это положение было до войны и в самом начале ее,—то государство, которое выпустит, допустим, на один миллиард новых рублей, может извлечь на столько же ценностей. Допустим, это будет при цене в один рубль за пуд ржи, тогда можно будет купить 1.000 миллионов пудов ржи. Следовательно, государство, выступающее на рынок в качестве покупателя на бумажные деньги, которые оно выпускает, является покупателем без продажи, то-есть, в сущности говоря, производит конфискацию известного количества продуктов с рынка, а его реквизиционными свидетельствами являются те деньги, которые остались у лиц, продавших государству продукты. Но государство может производить эту реквизицию при посредстве бумажных денег и не само и в большинстве случаев оно только отчасти производит эту операцию само. Обычно же оно производит эту операцию через своих рабочих и служащих. Не имея возможности давать рабочим заработную плату натурой, государство частью дает эти продукты, а частью пополняет заработную плату бумажками, и с ними являются на рынок рабочие и служащие, которые от имени государства производят эту реквизицию своими реквизиционными свидетельствами.

Теперь рассмотрим следующий вопрос: на кого же этот налог падает? Если государство в целом и его рабочие и служащие получают с рынка определенный продукт, но сами продукта не дают, то при такой системе казалось бы, что налог должен был бы падать на тех, кто на рынок привозит товар, то-есть, на крестьянина с одной стороны, на ремесленника с другой. Но на практике этого не получается, потому что и крестьяне, и ремесленники начинают ощущать, что здесь нечто приближающееся к налогу и, нисколько не понимая законов политической экономии, пытаются свалить налог на другие плечи. Приведу для этого такой довольно характерный пример. Рабочий по известному тарифу, который ему устанавливает В. Ц. С. Н. С., получил заработную плату с государства, допустим, 50 тысяч рублей. Он является на рынок. Картошка стоила на

рынке 10 т. рублей пуд раньше, а тогда, когда он пришел покупать картошку, крестьянин берет уже за картошку 20 т. рублей за пуд. Таким образом, рабочий предполагал, что он уйдет с рынка с пудом картошки, если он решил на него ассигновать 10 т. рублей; но крестьянин с него требует 20 т. р. Рабочему есть надо, и он должен платить, сколько с него требуют; но так как он может уделить только 10 т. р., то он покупает картошку на все свои 10 т., но покупает уже таким образом не пуд, а только пол-пуда. В результате он, хотя и возвращается с рынка с некоторой добычей, но он при этом проиграл. Он должен был получить пуд картошки, но получил только пол-пуда. Выходит, что налог заплатил не только крестьянин, но и рабочий. Таким образом, при системе, когда заработная плата не натурализована, когда и рабочему и служащему приходится выступать на рынке и покупать на бумажные деньги те или другие товары, то они неизбежно не только являются сборщиками налога, но и плательщиками. И поэтому при эмиссии, при выпуске бумажных денег, когда заработная плата не натурализована, неизбежно тот налог, который заключается в выпуске бумажных денег, падает не только на частное производство, но и на заработную плату. И вся история нашей экономической жизни за последние годы, в частности, вся история борьбы рабочего класса на протяжении трех лет окрашена в полной степени этим обстоятельством: рабочий класс все время получал тарифы, которые отставали от роста цен, а рост цен представлял из себя не больше и не меньше, как попытку мелкого хозяйства сбросить с себя тот налог, который на него падал. В другом положении находится ремесленник по отношению к крестьянину или крестьянин по отношению к ремесленнику. Если крестьянин набавил цену на картошку, а рабочему нечего продать, то он вынужден мириться с этими ценами и покупает столько, сколько он может купить картошки. Но если крестьянин прибавил на картошку, а покупателем является кузнец, который кует его лошадь, или кустарь, который поправляет его топор или косу, то они на это отвечают так же, как в шахматной игре один игрок отвечает другому. Крестьянин повышает цену на картошку, ремесленник отвечает повышением цены за ковку лошадей, сварку топора или плуга. Таким образом, в то время как рабочему нечем крыть

этот ход крестьянина ремесленнику есть чем крыть. Они друг на друга перекидывают повышение цены и в убытке никто не остается. В убытке остается только рабочий, которому крыть нечем на этом рынке, он не может увеличивать плату за свой продукт, потому что он отдает его государству. Он живет в коммуне с государством, где его дела довольно плохи, потому что государство тратит очень много на содержание армии, аппарата школ, приютов и тому подобное. Так обстоит дело с этим налогом. По основному своему назначению он должен пасть на мелкое производство, но он рикошетом попадает в заработную плату и часто очень основательно щиплет эту плату. Какой же может быть здесь выход? Выход можно было бы как будто найти в том, чтобы мы повышали денежную заработанную плату с такой быстротой, чтобы ни ремесленник, ни крестьянин не успевали обгонять нашу заработную плату на рынке, чтобы такая шахматная пара следовала не со стороны рабочего, а чтобы выступало само государство, с которым в коммуне рабочий класс, и чтобы повышение тарифов не поплелось за ростом цен, а наоборот. Это, товарищи, вообще говоря, в принципе возможно, но на практике не могло осуществляться на протяжении революции, потому что самые-то налоги, которые мы проектируем наложить на мелкое производство, не могут дать ожидаемых результатов, потому что самых излишков в производстве мало. Таким образом, это привело бы только к падению курса рубля, ибо мы не успевали бы угоняться за ростом цен и результаты были бы те же, что и раньше, т.-е., сокращению потребления рабочего класса. Здесь сказалась бы экономическая необходимость сократить потребление по всем статьям и, в том числе, потребление рабочего класса. Так фактически и было.

Теперь посмотрим, сколько мы получали от этого вида налога, который, как видите, имеет свою положительную сторону в том, что он пополняет государственные ресурсы и дает возможность государству вывернуться из тяжелого положения, когда налоги еще не так велики, когда новые ввести невозможно и когда приходилось жить главным образом этим видом налога, т.-е., выпуском бумажных денег. Как вы вспомните, когда мы обрекали правительство Керенского, тогда налогов никаких не было. Это был период, когда все старые налоги были отменены революцией,

а новых не ввели, но содержать государственный аппарат нужно было и в этот период. Можно было существовать только на счет выпуска бумажных денег, т.-е., налога, который не требует для взимания ни бухгалтеров, ни податной инспекции, никаких особых органов репрессии. Какое количество ценностей мы могли получить путем выпуска бумажных денег?

Тот рубль, который мы получили еще при Керенском, был сравнительно высок, если сравнить с тем положением, в каком он сейчас, но в сравнении с рублем при царском правительстве он уже был в сильно потрепанном виде. Когда мы взяли власть в октябре, рубль расценивался от десяти до двенадцати копеек на золото и около двадцати пяти копеек на заграничных биржах. В 1918 году мы воевали. У нас были большие расходы, так как мы тогда начали строить Красную армию, фронты были кругом, налогов крестьянство никаких не платило. Введенный нами продналог-разверстка давал еще очень мало, и главную сумму наших расходов мы должны были покрывать путем выпуска этих бумажных денег. Вот вам картина того, что мы имели за 1918 год. Мы выпустили бумажных денег 33 миллиарда 952 миллиона рублей. Курс рубля, как я вам уже сказал, первое время был от 10 до 12 коп., а к концу года он пал раз в шесть или семь. Следовательно, мы не можем сказать, что мы владели стоимостью в 33 миллиарда, потому что рубль за это время был обесценен. Поэтому, чтобы знать, сколько мы получили стоимости, мы должны эти 33 миллиарда разделить на стоимость рубля в среднем. Я специально занимался этими вычислениями по отдельным четвертям года. В 1918 году, выпустивши 33 миллиарда бумажных денег, мы при тогдашних ценах на вольном рынке и при тогдашнем курсе рубля взяли пятьсот двадцать три миллиона, считая по довоенным ценам. В 1919 году наш рубль продолжает падать. Мы берем из обращения триста девяносто миллионов на золото путем выпуска, а за это время выпускаем 163 миллиарда, то-есть, в пять раз больше. Итак, в 1919 г. мы выпускаем бумажных денег в пять раз больше, чем в 1918 г., а извлекаем денег всего на триста девяносто миллионов, то-есть, значительно меньше, чем в 18 г. Наконец, в 20 году мы выпускаем 955 миллиардов, то-есть, будем считать, почти триллион, но из обращения берем сто восемьдесят шесть миллионов на зо-

лото. Таким образом наш доход от выпуска бумажных денег падает. Как обстоит дело в 1921 году? Путем выпуска бумажных денег, а выпустили мы бумажек гораздо больше триллиона, за первое полугодие двадцать первого года мы взяли путем эмиссии около 30 миллионов на золото, то-есть, мы явно приближались к краху этого источника дохода. Выпускаем триллион, а берем только около тридцати миллионов. Но во второй половине года замечается резкий скачек в обратную сторону. Почему, скажу в дальнейшем, но он есть. Мы не можем еще подсчитать, сколько мы возьмем в это второе полугодие, потому что не дожили еще до его конца, но за июль, август и сентябрь мы берем уже гораздо больше. За сентябрь мы получаем около двадцати четырех миллионов на золото, т.-е., за один сентябрь получаем сумму, близкую к тому, что взяли за все первое полугодие двадцать первого года. Почему это происходит? Это находится в связи с новой экономической политикой. Таким образом, вы видите, сколько мы получили путем выпуска бумажных денег. Сравним это теперь с другим источником доходов, с натуральным налогом на крестьянство. Если мы можем подсчитывать выпуск бумажек с января по январь, то доходы от разверстки мы так считать не можем, потому что заготовка ведется от сентября до сентября, потому что сезон Наркомпрода отличается от календарного года. Так вот, мы за операцию восемнадцатого и части девятнадцатого года по разверстке получили продуктов в переводе на золото на 127 миллионов рублей. Таким образом, учитывая натуральный налог, путем разверстки мы получили на 127 миллионов рублей, путем эмиссии, т.-е., путем выпуска бумажных денег, мы получили 523 миллиона, а всего около 650 миллионов на золото. Это—та часть дохода, которую мы получаем путем налога на мелкое хозяйство. Сюда не входит та часть дохода, которая получается от социалистического хозяйства. В 19 году разверстка дает 253 миллиона, эмиссия 390 миллионов, а всего 643 миллиона. В 20 году мы, собравши почти 300 миллионов пудов хлеба, взявши большое количество мяса, картофеля и т. д., в общем получили от разверстки ценностей почти на 480 миллионов рублей по золото по довоенным ценам, а путем эмиссии, как я сказал, мы получили только 186 миллионов. Таким образом, картина совершенно очевидная. Из этой

картины мы можем уразуметь две вещи, чрезвычайно нужные для понимания нашей финансовой политики, курса нашего рубля и нашей эмиссии. Первая истина заключается в том, что наше мелкое хозяйство имеет такие излишки, размеры которых более или менее определены, а потому ограничена та сумма, которую мы можем взять. Опыт 18. 19 и 20 годов это показал, когда мы путем развертки и эмиссии в первый год взяли 650 милл., в 19 году 643 миллиона, в 1920 году около 666 миллионов. В общем, эта сумма держится почти на одном уровне. Это значит, что наш волынный рынок имеет определенную емкость. Если с крестьянства или ремесленников путем некоторых налогов мы взяли определенную сумму, путем натуральных налогов, то путем выпуска бумажных денег мы не можем взять более известной суммы, так как рынок не даст нам нужных предметов. Это—первая истина. Следовательно, наш выпуск бумажных денег имеет предел, который заключается не в экспедиции заготовления государственных бумаг, где пределы довольно безграничны, где мы можем выбрасывать все растущее количество бумажек и подбавлять нулей сколько угодно, но с точки зрения получения продуктов на рынке, т.-е., ради чего мы затевали всю эту музыку; здесь возможности очень ограничены, и статистика, показывает, что мы добирали путем выпуска бумажных денег в виде дополнения, лишь то, что нам оставалось добрать до суммы примерно в 150 миллионов после продналога. Сверх этого мелкое хозяйство отказывается нам давать, отказывается чисто стихийно, совершенно не разбираясь в том, что происходит. Вторая истина заключается в том, что мы очень быстро в предыдущем полугодии шли к уничтожению бумажных денег. Дотя лапа в доходах, получаемых от эмиссии, поднялась за эти три года неуклонно. И я подсчитывал, что если бы мы в 21 и 22 году имели такую же развертку, как в 20, и выполнили бы ее целиком, то могли бы при уничтожении фронтов и сокращении армии, может быть, полностью натурализировать заработную плату и не выпускать ни одного бумажного рубля на рынок. Но, как вы знаете, здесь произошел поворот в области нашей экономической политики, и здесь мы стали на новые рельсы.

Вот к изложению этого периода я теперь и перейду. Перед этим только скажу, как обстоит дело с самым ин-

струментом изъятия с нашего рынка—с курсом нашего рубля. Этот инструмент, который мы получили в достаточно неприличном состоянии, потому что мы его получили павшим в десять раз,—этот инструмент, чем дальше, тем еще больше стал портиться и стал походить больше на то ведро, которое сначала имело дыру, более или менее незначительную, но в дальнейшем она все более расширялась, и самый процесс вычерпывания создавал большие трудности, потому что самая черпалка оказалась такой, что на дне ничего не оставалось. В этом отношении положение германских коммунистов, если бы они взяли сейчас власть, было бы хуже в сравнении с нашим положением в октябре. Теперь марка пала больше чем в тридцать раз по сравнению с маркой до-военной, а наш рубль октябрьский пал в десять раз, так что положение германских товарищей, которые взяли бы власть, а с нею, конечно, и печатный станок, будет хуже, хотя отнюдь не безнадежно, потому что у них много других возможностей к более быстрому движению вперед.

Так вот, этот инструмент вычерпывания неуклонно падал и пал вплоть до марта месяца 1921 года, т.-е., до того момента, когда мы перешли к свободной торговле. Он упал к марту месяцу, т.-е., к моменту, с которого ведет свое начало новая экономическая политика, в 32 тысячи раз. *) Иными словами, в марте наш рубль равнялся $^1/_{32}$ тысячной довоенного рубля, считая по вольным ценам; в золоте он пал меньше, потому, что золото подешевело на внутреннем рынке. Поэтому же вычисление на золото для нас не совсем удобно, потому что золото само упало в цене, и цены на продукты сельского хозяйства, выраженные в золоте, по сравнению с ценами довоенными повысились. Теперь, с марта приблизительно по июнь, устанавливается некоторая устойчивость нашего рубля, а затем рубль падает еще процентов на 20, и в настоящий момент его можно считать стоимостью в $^1/_{60}$ тысячную довоенного рубля. Т.-е., 60 тысяч теперешних рублей равны рублю довоенному.

Из того, что я говорю, ясно, каков был смысл нашей

*) Данные по годам. Курс рубля в январе месяце: в 1916—1,27; 1917—2,18; в 1918—16,3; в 1919—103; в 1920—1,670; в 1921—13.000.

финансовой политики до марта 1921 г. Смысл этой этой финансовой политики заключался в следующем: использовать бумажно-денежное обращение, использовать возможность выпуска бумажных денег с целью получения доходов государства, увеличивать нашу возможность более тратить на армию, на гражданскую войну, на поднятие промышленности не особенно жалеть курс нашего рубля, не особенно церемониться с тем самым ведром, при посредстве которого производится вычерпывание. Если курс рубля падал, то наша задача была в том, чтобы это падение предвидеть главным образом с точки зрения вопроса,—насколько надо расширять работу экспедиции заготовления бумаг. Мы очень мало заботились о курсе нашего рубля, мы, естественно, центр внимания перенесли на натуральный налог, полагая, что когда мы сможем натурализовать заработную плату и целиком давать и Красной армии и командному составу то, что им нужно, то этим самым сделаем излишним выпуск бумажных денег и, если, вследствие этого произойдет крах денежной системы, то нам и горя от этого мало. Вот какова была финансовая политика за первый период нашего развития. И я думаю, что такая финансовая политика будет вполне целесообразна для какого нибудь пролетарского государства в Западной Европе, которое быстрее пойдет по пути социалистического развития. Первые года два хозяйство будет падать, а потом урегулируется, государство будет в состоянии удовлетворять все потребности миллионов людей путем социалистического распределения, т.-е., производительности своих фабрик и заводов, своих крупных социалистических предприятий, и путем обмена с заграницей своих товаров на продукты сельского хозяйства других европейских стран или Америки. Но что касается стран аграрных, то, может быть, там дело будет иначе, скорей всего иначе. Там держать курс на полное уничтожение бумажных денег не удастся, там темп развития будет более медленный, более приближающийся к нашему. Там первое время придется злоупотреблять курсом бумажек, а в дальнейшем заботиться о поднятии курса этого рубля. Мы, во всяком случае, за прошлый период должны быть благодарны нашему печатному станку. Он нас спас в самую трудную минуту, пока не наладился наш натуральный налог. Но теперь наступает новая полоса в нашей политике. Мы предразверстку отме-

ники. Почему и как —это вам известно из других источников. Она отменена, заменена продналогом, по которому предполагается получать в два раза меньшую сумму, чем было намечено по продразверстке и, реально, по которому мы получим в два раза меньшую сумму, чем получили на деле в двадцатом, двадцать первом годах заготовительного сезона. Словом, возникает теперь вопрос: как мы выйдем из дефицита нашего бюджета. С одной стороны, мы не имеем вместо продразверстки—продналог, который дает в два раза меньше, чем мы получали раньше, а с другой стороны так истрепался наш бумажный рубль, что восстановить его чрезвычайно трудно. Что же здесь делать? Это катастрофическое положение для нас наступило к весне 1921 года. Наша эмиссия к этому времени давала ничтожную сумму. Мы, например, в январе, феврале, марте и апреле, выпуская по двести миллиардов с лишним в месяц, получали только по 4 с половиной миллиона на золото. Вот до чего нал источник наших доходов. А в это же время мы продразверстку заменили продналогом и в два раза с этой стороны сократили свой доход. Спрашивается, как же мы из этого положения сможем выйти? Как будто выхода не видно. Но здесь мы должны более внимательно посмотреть: какие возможности открываются при новой экономической политике, какие возможности открываются в самой финансовой политике. Эти возможности вот какие: во-первых, наша новая политика ведет свое происхождение с момента, когда мы окончательно ликвидировали разные фронты. Это есть политика мирного периода нашего существования. Из тех расходов, которые мы несли в январе, многие нами ликвидируются, поэтому наш расходный бюджет должен сократиться. Вот первое облегчение в нашем положении,—это прекращение фронтов, сокращение армии, уменьшение количества ресурсов, которые страна должна давать на армию. Вторая наша возможность заключается в следующем. Когда мы имели продразверстку, мы, например, за последний год, 1920, путем продразверстки получили в два с половиной раза больше, чем от выпуска бумажных денег. А доля, получаемая от выпуска бумажных денег, уменьшилась до 186 миллионов в год. Но теперь мы заменяем продразверстку продналогом,—следовательно, соответствующее количество излишков остается в распоряжении крестьянства. Следовательно,

та доля, которую мы теперь можем взять путем выпуска бумажных денег увеличивается, потому что изъятое путем продразверстки мы частично можем взять путем выпуска бумажных денег. Но главное не в этом, потому что если на рынке прибавляются недобранные 200 миллионов пудов хлеба или других ценностей примерно на 250 миллионов на золото, то такое увеличение на рынке не будет столь заметным ,чтобы это могло поправить дело с нашим курсом рубля и дать возможность получить больше путем выпуска бумажных денег. Главное заключается в новой экономической политике. При отказе от продразверстки, когда остается в руках крестьянства известное количество излишков,—на основе новой экономической политики происходит то, что вызывает оздоровление расшатанных финансов, происходит экономический подъем, увеличение количества товаров, которое вообще на рынке обращается. Мы знаем, что замена продразверстки продналогом привела к очень значительному увеличению посевной площади. Это увеличение продолжается, несмотря на то, что определенная часть территории вычеркнута вследствие неурожая, и мы вступили в период подъема крестьянского хозяйства. Улучшается запашка, следовательно и большее количество хлеба выбрасывается на рынок, а так как он является основным, фигурирующим на вольном рынке продуктом, как главная статья нашего национального дохода, то это самое оздоровляет наше экономическое положение, оздоровляет наше финансовое положение. Кустарная промышленность также растет, развивается, количество продуктов, выбрасываемых на рынок, растет. Ряд стоящих предприятий пускается или сдается в аренду, таким образом, ряд новых продуктов выбрасывается на рынок.

Общая картина, следовательно, такова, что мы вступили в период общего экономического подъема, когда увеличивается количество товаров, выбрасываемых на рынок и, следовательно, увеличиваются ценности, которые мы можем черпать путем выпуска бумажных денег. Таким обязом, если раньше мы убедились, что мы не можем взять много путем эмиссий, то теперь емкость мелкого хозяйства увеличивается, и возможность вычерпывания растет. Следовательно, в самом основном пункте мы имеем улучшение положения.

Теперь возникает второй вопрос,—как же черпать при такой плохой черпалке, каким оказался наш рубль. Здесь мы подходим ко второй проблеме,—курсу нашего рубля. Мы теперь не можем к нему так презрительно относиться как тогда, когда мы шли на слом нашего рубля, на социалистическое распределение продуктов, и когда мы были уверены, что месяцем раньше или позже погибнет наша бумажная система. Теперь положение совершенно иное, теперь эти деньги не только нужны нашему вольному рынку, но этот бумажный рубль приобретает особую ценность теперь для нас, потому что он должен пополнять часть наших государственных доходов. При рубле, который стремительно падает, это достигается с большим трудом. При рубле же, который останавливается в своем падении, это гораздо легче. К нашему счастью, мы можем констатировать тот факт, о котором я уже говорил, что с момента разрешения свободы торговли падение рубля почти приостановилось. Следовательно, без особых финансовых усилий, даже наоборот, несмотря на то, что мы выпустили по двести миллиардов в летние месяцы бумажек, мы имели почти устойчивый курс нашего рубля, а в дальнейшем он должен падать медленней, чем в предыдущие годы революции.

Какие же это открывает возможности? Это открывает большие, большие возможности. Раньше мы должны были увеличивать нашу эмиссию, чтобы получить известное количество продуктов из обращения, а теперь, при более устойчивом курсе рубля достаточно меньшее количество бумажек, чтобы получить столько же продуктов. Это изменение теперь сказывается на увеличении нашей доходности от выпуска бумажных денег. Я уже говорил, что за первое полугодие 1921 года, мы взяли из обращения товаров на 30 миллионов рублей на золото, а за второе полугодие рассчитываем взять, принимая во внимание то, что уже взято за эти три месяца, не меньше 120 миллионов, то есть кривая падения нашей эмиссии начинает снова подниматься. На рынке продуктов теперь больше, чем в период угнетения рынка. И самый курс рубля находится в положении более устойчивом.

Но наша задача не ограничивается только тем, чтобы нам заткнуть дыры в нашем бюджете, которым мы сво-

дим наш дефицит. Мы должны смотреть несколько дальше вперед. Мы должны поставить перед собой задачу по возможности—вернуться к твердому курсу нашего рубля. Как это сделать? Конечно, когда мы выпускаем бумажные деньги, то это треплет наш рубль, и он должен в конце-концов прийти к новому падению. Но как достигнуть того, чтобы мы с одной стороны могли выпускать определенное количество денег и получать таким образом часть доходов, нужных государству, и в то же время принимать ряд других мер, которые ведут к поддержанию этого курса рубля? Вот те трудные проблемы, которые предстоит теперь разрешить. Как же это разрешить? Мы стоим перед основной задачей, которая заключается в том, чтобы мы могли сводить наш материальный бюджет республики без дефицита. А как это возможно? Вот мы в настоящий момент получаем по продналогу стоимость, меньшую в два раза, в сравнении с прошлым годом: двести пятьдесят миллионов на золото. Наша социалистическая промышленность дает на золото один миллиард с небольшим, и вот, таким образом, имея один миллиард от нашей социалистической промышленности и 250 миллионов из натурального налога, мы все-таки концы с концами свести не можем. У нас есть дефицит, который необходимо пополнить путем выпуска бумажных денег. Наша основная задача покрыть его не финансовым путем, не путем выпуска бумажных денег, а путем расширения нашего производства. Иными словами, если мы имеем миллиард в производстве от социалистической промышленности и 250 миллионов натурального налога, а всего миллиард с четвертью и имеем дефициту 250 миллионов на золото, то ясно, как разрешается эта задача. Увеличением нашей промышленности мы должны будем получить миллиард с четвертью и таким образом мы всего получим полтора миллиарда, и тогда у нас не будет дефицита. Итак, главное лекарство наших финансов в экономике, а не в экспедиции, печатающей бумажки. Все помыслы наши должны быть направлены на расширение наших фабрик и заводов. Таким образом мы подкапываемся в корне под наш дефицит.

Разумеется, тогда решается вопрос и о получении добавочных продуктов из деревни. Тогда мы получаем не на бумажные деньги, а путем обмена на ту добавочную

продукцию, которая получится в социалистической промышленности. Кроме того, чтобы взять продналога на 250 миллионов, мы вторую часть будем брать не выпуском бумажек, а путем тех продуктов, которые будут вырабатываться крупной промышленностью. Это является чрезвычайным облегчением для крестьянства, потому что оно перестает платить тот налог, который мы берем путем выпуска бумажных денег. Далее мы с рабочими рассчитываемся тогда не бумажками или, если расчитываемся бумажками, то бумажками с устойчивым курсом, при котором рабочему в плательщики налога не придется превращаться. Следовательно, выигрывает рабочий, который получает уже твердую заработную плату, и крестьянство, поскольку на него не падает тот косвенный налог, каковым является выпуск бумажных денег. Таким образом, этот путь является наиболее верным и сближающим пролетариат и крестьянство. Сюда должно быть направлено наше внимание, на эту проблему, не финансовую, а экономическую. Я коснулся этого, чтобы показать, в каком месте судьба финансов у нас теснейшим образом смыкается с экономикой, где покрытие дефицита целиком зависит от производительности наших фабрик и заводов. Это первое, что может привести к уничтожению дефицита, а следовательно избавит от необходимости выпуска бумажных денег.

Второй источник, это—бумажно-денежные налоги. Эти налоги встречали очень много возражений, совершенно не основательных по сути дела, и на этом приходится довольно подробно остановиться.

При выпуске бумажных денег до сих пор мы очень мало заботились о том, чтобы часть их получить обратно в государственную казну. Мы все денежные налоги почти целиком уничтожили. Мы рассуждали таким образом, что если крестьянство дает нам свой налог натурой, в виде разверстки, то брать дополнительно деньги нет смысла. Поэтому все налоги, которые падали на крестьянство, были уничтожены. Налоги же на рабочих бессмысленны, потому что наша задача в том, чтобы рабочему обеспечить нормальную заработную плату натурой. С этой точки зрения накладывание налога на рабочего, чтобы его потом возвращать в виде заработной платы, требует только лишних расходов. Что касается остально-

го населения, то мы держались такого принципа, что все остальное население должно рассосаться между крестьянами и рабочими и единственно, на кого можно было налог ввести параллельно разверстке, это—на наши кустарные промыслы. Мы пытались их привлечь к частичной трудовой повинности, хотя достигли в этом мало успеха. Таким образом не было определенного смысла держаться за бумажный денежный налог. В корне меняется положение, когда мы перешли к новой экономической политике. Крестьянство платит не все излишки государству, а только часть. А государство получает только часть, другую же покупает для снабжения рабочих. Следовательно то, что дается крестьянину, также должно даваться за плату. Это относится к тому, что называется оплатой государственных услуг. С другой стороны, не было налога на торговлю и на отдельные производства, потому что мелкая промышленность была в загоне, а торговля уничтожена. Теперь же у нас и свобода торговли и развивающееся мелкое производство, и потому снова возник вопрос об обложении промыслов. Поэтому налог не только нужен, чтобы возвращать часть бумажных денег в распоряжение государства, но чтобы не увеличивать его новыми выпусками и обесценением рубля. Это возможно потому, что определенные слои населения могут быть обложены. Поэтому мы должны ввести налоги и оплату государственных услуг. Мы должны обложить тех, которые теперь открывают такие хорошие магазинчики на Тверской, которые начинают на основе новой экономической политики заниматься накоплением,—обложить их налогами на помещение и на торговлю.

Что касается нашего ремесла, то, к сожалению, оно очень слабо обложено. Если до сих пор ремесленник работал на армию, то это было ничтожной частью того налога, который он должен был платить. Советская власть давала кустарю сырье, которое значительно разворовывалось. Часть шла на выработку продуктов, которые продавались на рынке, и в результате эта патриотическая работа на армию была для ремесла очень выгодна. Наша задача в том, чтобы ремесло наше обложить в меньшей степени, чем крестьянство. По продналогу крестьянство платит 10%, т.-е. одну десятую своего дохода. Следовательно и ремесленника нужно также обложить. Как

это сделать? Мы ввели промысловое обложение. Ставки его пока незначительны, но потом мы их повысим и будем брать с ремесленника не меньше одной десятой части его дохода. Незачем его ставить в более привилегированное положение, чем крестьянство. В до-военное время ремесло и кустарная промышленность имели доход на 800 миллионов руб. Если теперь будет меньше, то, облагая его в 10%, мы получим до 50 миллионов на золото в год, а это составит на наш рубль громадное количество.

Что касается денежных налогов на крестьянство, то мы вводить их не предполагаем. Если мы их введем, то, это значит, что мы получаем некоторое количество денег, чтобы купить на рынке некоторые товары. Тогда мы можем проще сделать,—увеличить продналог, потому что если мы увеличим денежный налог и на него будем покупать хлеб, то это будет в сущности тот же продналог. Поэтому, если, введя продналог, мы не могли бы свести концы с концами, то мы должны были бы увеличить продналог. Поэтому крестьянство, как таковое, не предполагается обкладывать денежными налогами.

Должен сказать еще два слова относительно тех соображений, которые часто высказываются против налогов из рабочей среды. Здесь часто говорят: вы накладываете налоги на торговцев, но ведь покупателями являемся мы, и они перекладывают их на нас, а в результате налог платят не торговцы, а покупатели. Вот основные возражения, с которыми приходится сталкиваться. Но эти возражения не верны. Ведь налоги перекладываются на всех, а не только на рабочих. Поэтому нужно, чтобы та часть налога, которую рабочие вносят после повышения цен, была им возвращена повышением тарифов. В этой части ни государство, ни рабочий не выигрывают. Но где налог перекладывается не на рабочего, там государство выигрывает. Иными словами, если по Москве мы получаем от налога на различные предприятия сто миллиардов в месяц и из них падет на покупателей-рабочих 40 миллиардов, а 60 миллиардов—на мелкую буржуазию то, наша задача будет состоять в том, чтобы рабочим вернуть эти 40 миллиардов в виде повышения тарифа, а 60 миллиардов остаются в кармане государства. В результате, дело сводится к тому, что если мы будем возвращать рабочим ту часть, на которую покушаются эти

торговцы, то мы придем действительно к тому, что наше обложение будет падать на все непролетарское население. Но это требует внимательной разработки всех декретов, которые бы всегда обсуждались с точки зрения того, чтобы новый налог не падал на рабочих, а если он падает, то чтобы в такой же степени декретировалось повышение ставок. Таким образом, основное возражение против налогов неправильно, потому что если налог частично и перелагается, то это не значит, что он перелагается целиком, и если падает на рабочих, то это не значит, что государство не может возместить этот налог.

Теперь я перехожу к оплате государственных услуг. До сих пор мы все раздавали даром и даром получали с крестьянства хлеб, брали его путем продразверстки. Мы платили по твердой цене какие-то 30—40 рублей за пуд, т.-е., в сущности брали даром. И тогда, конечно, мы не могли брать с крестьянина ни за сельскохозяйственные машины, ни за другие вещи, которые мы ему давали, а если брали, то те же твердые цены, за мануфактуру, например, т.-е. в сущности опять ничего не брали. Теперь положение совершенно другое. Теперь мы должны за все продукты, которые государство дает, брать деньги. Как же нам осуществить это? Поскольку мы будем давать мануфактуру в деревню, через кооперацию, постольку мы будем получать за нее продажную цену. Если сельскохозяйственные машины мы покупаем сейчас на золото за границей, то внутри страны должно получить за них столько, сколько в переводе на советские деньги это золото стоит. Мы не имеем возможности дарить наши блага, ибо более нищего государства кажется в Европе нет. Существовал раньше целый ряд статей, по которым мы раньше денег не брали, но теперь мы их должны брать. Поэтому, мы ввели плату за железную дорогу, и этот тариф раза в два-три меньше до-военного тарифа; далее, у нас живут в бесплатных квартирах. Наши национализованные дома есть добыча пролетариата в революции, но он не должен отдавать ее даром. Квартира должна засчитываться рабочим в заработную плату. Предприятие должно будет рассчитываться с Московским Советом. Остальные граждане должны платить сами. До сих пор, все спекулянты и торгаши живут в наших домах бесплатно. Дома разрушаются. Следователь-

но, прежде всего нужно ввести оплату всех коммунальных услуг.

Мы начали с трамваев, но постепенно введем плату за все услуги, при чем рабочему это будет засчитываться в заработную плату, которая будет повышена, а расчитываться будет предприятие. Со всего же остального населения мы будем брать плату. Крестьянство также должно будет платить по целому ряду статей, например, отпуск леса был почти бесплатный, и он расхищался; сводится прекрасный лес и платятся ужасные пустяки; и в результате мы раздаем эту огромную государственную ценность даром. Насколько мы теперь могли бы много получить, приведу цифры. Наркомзем считает, что преуменьшенная сумма, которую он может дать государству, составляет один триллион 300 миллиардов; эта сумма только по одному комиссариату. А это—очень большая сумма, равная месячному доходу от всей нашей эмиссии. Таким образом, должны поступить и все другие комиссариаты, которые выработают у себя целый ряд государственных расходов. Мы покроем так 10% всего того, что мы получаем от выпуска бумажных денег. Затем, железно-дорожный тариф за два три месяца дал свыше 60 миллиардов и почтовый тариф дал до 6 миллиардов и еще целый ряд доходов коммунальных. Например, московский трамвай дает полтора миллиарда в месяц. Все это показывает, что сумма доходов увеличивается. Мы полагали получить 500 миллиардов, но, оказывается, получим гораздо больше. Мы получим от 10 до 15% всего того, что получаем от выпуска бумажных денег. Вот второй источник наших доходов. Кроме того, это введение платности дисциплинирует население, которое просто расхищало государственные блага. Например, электрическая энергия. Если она бесплатна, ее жгут, не оглядываясь. Количество воды, которая протекает по испорченным кранам, бесконечно. И так—повсюду. Введение же платности побуждает к бережливости. Никто не захочет платить лишние деньги, и поэтому уже каждый сам будет следить за собой, чтобы не растрачивалось нигде ничего лишнего. Это—очень хорошая сторона платности. И вот эти два источника позволят уменьшить наш дефицит.

Теперь я обращаюсь к третьему источнику. Расходы у нас производились до сих пор очень нерационально.

Очень часто это происходило потому, что денежные знаки отставали от кредитов. По кредитам полагалось всем ведомствам много, и поэтому они, не зная будут ли иметь знаки, расходовали без всякого плана. Теперь же мы хотим платить нашим служащим, как следует быть. Таким образом эта перестройка должна сократить наш государственный аппарат. По-нашему расчету мы должны сократить штаты от 30 до 50%. Мы, конечно, теперь платить будем лучше, будем давать лучший паек, но за то и работать будет лучше, и опять здесь получается определенная экономия. Это есть третий источник. Это не есть расширение наших доходов, но есть сокращение расходов. И это также уменьшает наш дефицит. И, наконец, последний источник, без которого мы не можем свести концы с концами, это—выпуск бумажных денег. Мы должны прибегнуть и к этому источнику, чтобы покрыть все, что не покрыто расширением производительности и бумажно-денежными налогами. Спрашивается, сколько этот вид дохода, выпуск бумажек, может дать? Я уже показывал, что мы имели очень большое уменьшение покупательной стоимости эмиссии первой половины 21 года; во вторую половину года мы имеем подъем именно благодаря тому, что курс рубля падал медленнее. Теперь рынок имеет не только большое количество продуктов, но сам рынок требует большего количества денег. Это приводит к тому, что сам рынок поглощает известное количество бумажных денег без того, чтобы это приводило к падению курса рубля. Таким образом, расширение товарооборота оздоровляет финансы нашей страны. Рубль, на который раньше никто не хотел покупать, теперь является желанным. На него все можно купить, при новой экономической политике, к нему возвращается его старое значение. Таким образом, потребность рынка в рубле увеличивается, и выпускаемые деньги поглощаются. Дальше, мы должны считаться со следующим обстоятельством. Зимой, благодаря большему выпуску бумажных денег, мы несомненно поколеблем наш бумажный рубль и толкнем его на падение. Когда закончится сезонное оживление на рынке, когда рынок сузится, тогда безусловно начнется падение. Но, несмотря на это падение, мы рассчитываем, что в 1922 году путем выпуска бумажек мы сможем взять не меньше 250 миллио-

нов на золото. Это объясняется более благоприятной конъюнктурой нашего рынка. Так обстоит дело с этим источником дохода.

Каковы же таким образом наши основные задачи в финансовой политике? Они в том, чтобы уменьшить дефицит в нашем бюджете погашая его реальными ценностями и в то же время сократить нашу эмиссию. А когда мы ее сократим, тогда мы будем иметь устойчивый курс рубля. Мы можем даже тогда умеренно выпускать бумажные деньги, и это не будет отражаться на курсе рубля. Что касается целого ряда других мероприятий, то они не могут изменить основного, а только несколько улучшат курс нашего рубля. Например, через 1½ месяца мы выпускаем новые бумажные деньги. На них будет написано, что новый рубль 1922 г. будет равен 10 тыс. теперешних рублей. Этим самым мы думаем ликвидировать то незнание арифметики, которое сейчас проявляется на рынке, когда миллион публика вынуждена называть «лимон», когда миллиард путают с миллионом, а что касается триллиона, то многие из товарищей не знают, что это—1.000 миллиардов, и очень не многие знают, что следующая единица—квадрильон. Вот мы и выпускаем эти новые бумажные деньги. Основная их задача пока в том, чтобы освободить население от тех исчислений, к которым оно не привыкло. Когда за пуд муки нам теперь вместо рубля приходится платить 150 тысяч, то при больших суммах совершенно теряется представление о величине. Мы следовательно, таким образом, возвращаемся к довоенному денежному исчислению. Так как наш рубль упал в 60 тысяч раз, то если мы выпускаем рубль, который будет равен 10 тысячам старым, то иными словами, он будет иметь одну шестую стоимости до-военного рубля, а следовательно, больше чем тот рубль, который мы получили, когда взяли власть от буржуазии. Эти новые рубли будут иметь основной задачей привести нас поближе к довоенному исчислению. Приведет ли новый рубль к разорению кого-нибудь? Безусловно нет. Если есть чудаки, которые думают, что теперешний рубль будет иметь значение довоенного, и они смогут за свой миллион рублей купить когда-нибудь миллион пудов хлеба, то таких чудаков слишком немного, чтобы можно было с ними считаться. А затем, если бы их было даже

больше, то нам все равно здесь не избежать признания того, что в действительности произошло, т.-е. обесценения нашей валюты. При этой операции абсолютно никто не теряет, потому что выпущенный рубль обязателен к хождению, потому что то, что можно было раньше купить за 10.000 рублей, то теперь можно будет купить за 1 рубль. Так обстоит дело с новыми бумажными деньгами. Эта мера, может облегчить счет, но улучшить финансовое положение по существу она не может. Если бы мы в дальнейшем провели аннулирование старых денег, то это было бы облегчением. Это уменьшило бы количество денег в обращении и подняло бы курс рубля. Положение рабочих было бы благоприятным. Но эта операция может встретить большое сопротивление, и потому от нее надо отказаться.

Вот все, что я хотел сказать по вопросу о финансовой политике. К сожалению, я не мог коснуться вопроса о бумажных деньгах вообще, о роли их в капиталистическом государстве и при пролетарской диктатуре. Это вопрос немного теоретический, хотя и имеет большое практическое значение.

В заключение я еще хочу сказать два слова о тарифах. До сих пор был полнейший разрыв между тарифной и финансовой политикой. Экспедиция заготовления государственных бумаг печатала сколько могла, а профсоюзы вырабатывали тарифы, не всегда считаясь с тем, сколько государство может давать и какие рессурсы оно имеет. Этот разрыв тарифной политики и финансовой приводил к тому, что тарифы не только отставали от рыночных цен, что было неизбежно, но при таких скачках никакого регулирования не было. Теперь положение делается более ясным. Мы высчитываем заранее, какое количество бумажных денег можем выпустить, какое количество ценностей можем извлечь, какое количество пойдет в фонд заработной платы, и тогда мы говорим В. Ц. С. П. С.—можете производить свою тарификацию, исходя из того, что на заработную плату дается столько-то и в пределах этого можете тарифицировать. До сих пор происходило как раз обратное. Вырабатываются на тарифной конференции минимумы, предъявляются государству, совершенно без знания, что имеет государство для распределения. А надо поступить как раз обратно. Представи-

тели В. Ц. С. П. С. должны выяснить, что государство может распределять, а потом уже в пределах этой суммы производить распределение.

В заключение я еще должен сказать два слова, о чем забыл упомянуть. Мы переходим теперь к твердому бюджету. По нашему представлению В. Ц. И. К. было постановлено, что Наркомфин выясняет, сколько может выпустить денежных знаков в 1922 году, и составляет твердую смету на каждый комиссариат. Каждый комиссариат получит столько, сколько ему ассигновано, а мы будем выпускать бумажек по расчету из того, сколько вообще мы можем извлечь путем эмиссии на золото, чтобы бумажки покрывали ту сумму, которая нам необходима, иными словами мы будем распределять между ведомствами суммы в золотом вычислении, а потом переводить их на курс рубля и покрывать выпуском нужного количества бумажек. При такой системе не будет разрыва между тарифной и финансовой политикой, между кредитными и денежными знаками, когда кредитов на миллиард, а денежных знаков только на 100 миллионов, когда огромная задолженность везде и всюду, когда никаких планов нет, когда никто не знает, чем он будет располагать в течение месяца. Таким образом, расходы мы вгоняем в определенную рамку. Точно также в определенные рамки будут заключены и заработная плата и расходы ведомств, и, таким образом, определенная плановая работа будет возможна. Никаких других возможностей для того, чтобы эту плановую работу сделать мыслимой, кроме ведения плановой эмиссии и твердого бюджета, вычисленного в золоте, у нас нет.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Материальный бюджет Советского государства. 3 стр.
Разверстка и эмиссия . . . . . 5 »
Продналог и эмиссия . . . . . 9 »
Курс рубля и эмиссия . . . . . 15 »
Общие задачи нашей финансовой политики. . 18 »
Плановая эмиссия и твердый бюджет. . . . . 24 »
Налоги и оплата государственных услуг . . . 26 »
Тарифы. . . . . 31 »
Государственный банк. . . . . 35 »
Наш бюджет на 1922 год. . . . . 38 »
Финансовые перспективы . . . . . 44 »
Финансы и новая экономическая политика . . 51 »

1 р.

Цена 10.000 руб.

Государственное Издательство
Москва ✣ 1921